

Элли Ван Хаутен

СУПЕР ВОРОВКИ

Элли Ван Хаутен

Суперворовки

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Суперворовки / Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

«Суперворовки» — авантюрная комедия о двух лучших подругах, больших деньгах и маленькой привычке врать, которая однажды перестаёт помещаться под одеждой. Пэм Честерфилд умеет притворяться беременной. Притворяться приличным человеком у неё получается гораздо хуже. После очередной катастрофы в казино Пэм возвращается в родной город и к лучшей подруге. Дженни Стоун всегда жила по правилам и теперь готова помочь. Есть только одна проблема: ребёнка не существует, а живот можно снять и убрать в шкаф. Разоблачение грозит закончить их дружбу. Но в старом семейном подвале Пэм надеется найти ценность, которая наконец сделает её богатой. На месте дома теперь роскошный особняк, неизвестный заказчик предлагает слишком удобную работу, и каждая попытка подобраться к тайнику оборачивается новым позором. Вскоре накладной живот примеряет уже Дженни. Оказывается, вкус к приключениям у правильных девочек бывает особенно опасным. Впереди чужой миллион, и масса неловких, но утомительных ситуаций.

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Элли Ван Хаутен

Суперворовки

Элли Ван Хаутен
Суперворовки

Глава первая

Меня зовут Пэм Честерфилд, и я всегда придерживалась мнения, что, если судьба поворачивается к тебе пятой точкой, выхода два: либо нюхай, либо кусай.

Пять лет назад, когда я в солнечный день прогуливалась по ярмарке, меня вдруг схватили за локоть и с силой заставили обернуться, из-за чего я, неуклюжая мартышка, пролила на себя шоколадный молочный коктейль и теперь была похожа на жертву отравления или диареи.

— Очень скоро ты потеряешь голову от любви, отправишься в город грехов и будешь ходить беременной три года!

Слова принадлежали женщине, от которой захотелось броситься в бега до самой границы. Это была очень высокая, крупная дама, напавшая на себя зловонную шубу из непонятного зверя. То ли бобра, то ли медведя. Одним словом — она напоминала Хагрида из «Гарри Поттера».

— Ты спятила? — возмутилась я. В следующий момент я решила не связываться с этой сумасшедшей ведьмой и пошла прочь неспешным шагом.

— Постой же, дура! — Большая дама еще некоторое время стояла, застыв на месте, а затем бросилась следом за мной, словно злой пес, сорвавшийся с цепи.

— ВОТ ЧЕРТ! — Если б у меня было время перекреститься, я бы так и сделала, но мне просто необходимо было ускориться. При этом пришлось распахивать людей руками, измазанными шоколадным коктейлем.

Я оборачивалась каждые несколько секунд, боясь, что большой злой Хагрид вот-вот меня настигнет, и в страхе я не нашла ничего более умного, чем закричать:

— Дама обделалась, у дамы диарея! Дайте дорогу!

В следующую секунду я смачно прошлась ладонью по лицу человека, который терпеть меня не мог. Милая старушка Мэгги. Если вы думаете, что она удивилась бы, если б ей сказали, что однажды Пэм Честерфилд измажет ее фекалиями, то вы ошибаетесь. Всего за секунду я вспомнила несколько неловких моментов, связанных с нашим с ней соседством.

Я — «та самая злодейка», из-за которой окно ее дома, находившееся напротив моей комнаты, разбивалось как минимум семнадцать раз, потому что, будучи подростком, в порыве гнева я вышвыривала свои вещи.

Я — «та самая живодерка», из-за которой ее кот Тоби лишился хвоста, когда я отвлеклась на телефон, пока подстригала газонокосилкой траву во дворе.

Я — «та самая разрушительница», из-за которой обвалилась часть чердака, когда меня попросили несколько дней последить за ее домом. Даже-не-спрашивайте-как!

Для Мэгги я дьявол во плоти, с которым лучше не связываться. Готова поклясться, что однажды услышала, как она сказала подруге: «После ее визита у меня попадали все иконы».

В приступе сожаления я остановилась, стала извиняться и попыталась вытереть с ее лица «фекалии», но единственное, что у меня вышло хорошо, — это размазать молочный коктейль еще больше.

— Извините за... Дерьмо! — Последнее относилось к приближающейся сумасшедшей великанше, но выглядело со стороны сами понимаете как!

Бросившись вперед сломя голову, я поняла, что придется защищаться. В рукопашном бою меня не победит только ребенок, но на ярмарке было полно способов противостоять сумасшедшим людям.

— Пропустите! Я обделалась! — Сама не верю, что именно так я и кричала на всю округу. Ведь большая часть этих людей хоть отдаленно, но знала меня!

— Не убегай, дура!

В момент, когда мне показалось, что удача фортанула, я схватила апельсин с прилавка и бросила изо всех сил в громилу.

Та среагировала незамедлительно: сжав пальцы в кулак, она отбила апельсин, как профессиональная боксерша, словно хотела пробить кулаком чью-то голову. Мою?

Именно в этот момент я поняла, что пора звонить маме и прощаться раз и навсегда, но вместо этого я достала телефон и на бегу сделала самое невероятное селфи в моей жизни. Чтобы, когда полиция будет искать того, кто разорвал меня в клочья, она нашла в моем телефоне фото маньяка.

Золотая медаль за желание выжить достается мне!

Готовая к крайним мерам, я выхватила ружьё у стреляющего по игрушечным уткам мальчика, прицелилась и начала палить по женщине, как будто я Сара Коннор, а она непобедимый Терминатор в образе бомжихи-алкоголички.

К моему ужасу, пули просто отскакивали от женщины, что заставило меня действительно задуматься, а не робот ли она, пришедший из будущего, чтобы прикончить меня своим запахом.

— Держи, малыш. — И несмотря на то, что я была максимально вежлива и, как мне казалось, адекватна, мальчик не поблагодарил меня за бесплатное мороженое, размазанное по ружью.

— Фу-у...

Приключения не заканчивались. Они только начинались. Все, о чем я тогда мечтала, — это проснуться. Ведь происходящее действительно было похоже на сон. Если я не спала, то почему мне никто не помог?!

Я бросилась в детскую зону — небольшую территорию, напоминающую футбольное поле с множеством развлечений. Из-за того, что мне понадобилось время, чтобы победить невысокий забор, я потеряла свою фору. Увидев, как великанша перешагнула ограждение, словно бордюр, я запаниковала.

Ко всему прочему я оказалась в песочнице, где вдруг согнулась и в истерике принялась копать под себя песок, целясь в преследовательницу. Хотя одна моя идея сработала! Та остановилась, смахивая с лица песок, ну а я побежала дальше.

Точнее, надеялась, что побегу. Вместо этого я споткнулась о детское ведро и упала плашмя в песок. И когда я почувствовала ту самую крепкую хватку, мозг окончательно потерял рассудок.

Великанша повернула меня к себе, начала что-то говорить, но я не слушала, а только кричала, вертелась и бросала песок ей прямо в рот!

Я уже не понимала, жива я еще или нет, но вскоре сумасшедшая ведьма облила меня водой из детского ведра.

— Да успокойся ты, дура!

— Хватит называть меня дурой! Помогите, на меня напал Хагрид!

— Заткнись, дура! — С этими словами она схватила мое лицо одной рукой, и оно, наверно, превратилось бы в кашу, сожми она его чуть сильнее. — На тебе метка неудачной судьбы. Ты познакомишься с мужчиной и будешь носить от него ребенка три года...

— Штыковлдмлдвлвытыыв, — только это и удалось мне пробубнить.

— Мужчина этот придет в твой дом и заберет тебя, как трофей, поняла?

Единственное, на что я тогда обращала внимание, — это на то, как песок из ее рта сыплется прямо на мое лицо и губы.

— Уедешь из города — быть тебе несчастной пять лет!

— Что тут происходит? — Наконец-то подросла охрана. — Что вы делаете?

Большая женщина криво улыбнулась, оголив желтые обезьяньи зубы, подняла меня, как пушинку, и сказала то, отчего мой мозг просто выключился.

— Все прекрасно, учу свою дочку уму-разуму.

Она серьезно? Есть тут человек в здоровом уме, что поверил бы, что мы родственники? Неужели мы с ней хоть чем-то похожи? Разве я похожа на гибрид человека и медведя?

— Но она стреляла в вас из ружья, — продолжал охранник, который явно боялся моей «биологической матери»!

— Небольшая семейная ссора, — добавила она с лошадиной улыбкой и принялась отряхивать с моих волос песок. — Ты ж моя радость. Ты ж моя нежная.

Я ее радость? Обычно я так говорю еде, которую хочу съесть.

— Придется заплатить за игру в тире. Или мы выпишем штраф.

— Но у меня нет денег, — вдруг сказала я голосом умирающего слона. Песок попал в горло, и я не могла контактировать с нормальными людьми. Последние два доллара я потратила на коктейль.

Женщина-Хагрид посмотрела на меня с презрительной улыбкой, пожелала удачи и ушла со словами «не завидую твоей судьбе». Ну, спасибо, «матушка».

— Пошли, обкаканная леди. — Охранник брезгливо взял меня за рукав и повел через всю ярмарку в место для таких преступников, как я.

Таким образом я оказалась в детской комнате полиции, испачканная молочным коктейлем, вся в песке и с растоптанным достоинством.

Классная история, да? Представляю, как комично я смотрелась со стороны. Восьмидесятикилограммовый низкорослик спасается от тролля из Средиземья. Смотрите на ютуб...

Я специально начала с нее, чтобы вы оценили мой уровень «везения», неуклюжести и генерирования топовых идей. А самое главное, подобных историй у меня миллион и небольшая горстка. Стоит только выйти на улицу — и жди беды. Конечно, не всегда случаются супер-неудачи, но без неловких моментов не проходит и дня.

Все сказанное гадалкой-великаншей оказалось правдой. Я действительно познакомилась с парнем. Красавец, кстати, а не то, что вы подумали. Он и правда забрал меня из «любимого» дома. Мы переехали в город грехов, где у него был бизнес. Но два года спустя мы расстались.

И нет, это не история про то, где бывший оказывается злодеем и теперь девушке приходится скрываться, но недалеко. В первый же год мы поженились. Романтика + алкоголь + Лас-Вегас = жирный штамп в паспорте. В общей сложности наши отношения прожили два года. А вот следующие три оказались для меня поистине веселыми.

Если бы еще пару лет назад мне сказали, что я стану притворяться беременной, чтобы заработать баксы — я бы поперхнулась и, учитывая уровень-везения-Пэм, чуть бы не умерла. Я на полном серьезе думаю, что умру, поперхнувшись любимой едой, на которую я могу променять даже парня. Но самое страшное — подавиться своей же слюной.

Я одна такая странная? Может, у меня горло с каким-нибудь уродливым отклонением? Порой я думаю о том, что существует тайный архив, где описаны самые нелепые случаи смерти, и высокопоставленные люди ходят туда посмеяться.

Но вообще, если бы вы знали меня достаточно хорошо, вы бы поняли — девушка я из находчивых. Ну, из таких, знаете: опаздывая, успею накраситься, пока догорает спичка; взъерошенные, спутанные волосы, больше похожие на перекасти-поле в долине смерти, спрячу под элегантной шляпой (которую, скорее всего, сдует ветер в ближайшую лужу).

И пусть природа не одарила меня красотой, ногами до плеч и стройной фигурой, у меня отличное чувство юмора, инстинкт самосохранения и пышные формы.

Последнее привлекало не так много мужчин, как мне раньше хотелось. Подчеркиваю «раньше»! Сейчас я не настроена на серьезные отношения. Брак с Рико был ошибкой юности и просто возможностью сбежать от более странных, чем я, родителей.

Каково быть мошенницей в Лас-Вегасе? Занимательно. Постоянный поток новых людей, желающих потратить наличные, мечтающих обогатиться и провести несколько самых незабываемых дней в своей унылой жизни.

Несколько раз в неделю я выпиваю парочку лонг-айлендов на дорожку, захожу в какое-нибудь крутое казино, где выискиваю доверчивых лошков, и в итоге пополняю копилку на несколько сотен долларов, что позволяет мне набивать живот в ресторанах любимыми роллами и даже откладывать на черный день.

По-крупному играть я не решаюсь, боюсь остаться у разбитого корыта. Да и променять роллы на овсяную кашу не мой вариант. Самыми легкими жертвами я считаю несколько типов особей сомнительно-сильного-пола — маменькины сынки, мужчины с комплексом защитника и полуслепые лысоватые дяди, пахнущие дезодорантом за три копейки, от которых меня тянет блевать.

— Что-то ты сегодня трусишь, Пэм, — сказала я себе, стоя перед казино «Красный Тигр». — Ладно, нам же надо кормить роллами с лососем малыша, чей отец погиб на войне, работая за копейки, чтобы обеспечить твое будущее.

С этими словами я погладила свой фальшивый пятикилограммовый живот и прошла внутрь.

Здесь было так шумно, что любой бы человек ощутил дискомфорт. Будто одновременно звенят сотни будильников и играет сотня разных песен. Но для мошенницы это звук денег. Я испытываю чувство зависти каждый раз, когда думаю о счастливчике, что держит подобное казино. За такого бы я точно вышла замуж.

Только вот все их куклы обычно весят не больше одной моей ноги. Куда вообще подевались мужики, любящие дам с аппетитом? Была бы я президентом мира, приказала бы всем съедать как минимум по курице-гриль в день! Этому миру не хватает пышных форм.

— Они тут зарабатывают тысячи долларов каждую минуту, — сказала я бармену. Не знаю зачем. — Один лонг-айленд для этой дамы, пиу. — Когда я указала на свой живот, меня осенило, что я беременна. Какая молодец! Только не вздумай рассказать ему, что по утрам я занимаюсь на беговой дорожке, пока не стошнит!

Худощавый мужчина с усами перевел взгляд с лица на мою беременность.

— Ой! — нелепо засмеявшись, как ослиха, и обронив салфетницу, я добавила: — Это подруге, конечно же. Она вон там. Извините за салфетки, вам теперь их по полу собирать. А вы их обратно сложите и будете раздавать людям или выкинете? Просто на полу полно бактерий и всякой заразы, от которой потом три дня с толчка не слезешь.

Бармен в легком шоке засуетился и передал мне заказ, который уже через минуту вливался в мое горло, пока я сидела в женском туалете. Попивала я его из веселой трубочки, которую я называла «вечеринка» из-за клевого дизайна.

Вообще, если по-честному, я всегда была хитрой. Правда, хитрость ложится спать после второго коктейля.

Еще в детстве я узнала, как полезно быть хорошенькой, но умной. Моя интересная жизнь началась в семь лет, как только меня забрала из детского дома очень странная парочка веганов, благодаря которым я из пухлого ребенка превратилась в высушенную на камне курагу.

До четвертого класса я хотя бы нравилась мальчишкам, но позже во мне снова проснулась девочка-Кинг-Конг, и я начала постоянно ощущать неистовое чувство голода. Учитывая,

что мои родители не ели мяса и вообще ничего, что когда-либо двигалось, мне приходилось нелегко.

Однако вскоре я начала воровать деньги из курток в раздевалке и из портфелей одноклассников. Тогда-то мои дела и пошли в гору.

Ни один ребенок в штате Миссури не ел бургеры и картошку фри каждый день. А я ела. Родители подумали, что у меня генетическая предрасположенность к полноте, и решили не доставать с диетами.

Откровенно говоря, они взяли брошенного ребенка только потому, что услышали историю про парочку, у которой выстрелил бизнес, как только они взяли ребенка из приюта, и тем самым якобы заслужили Божий подарок.

В детстве я не ощущала любви родителей, но у меня была лучшая подруга Дженни Стоун. Суперправильная девочка из благополучной семьи, что владела небольшой сетью продуктовых магазинов. Мы с ней были не разлей вода, сколько я себя помню. До самого отъезда в Лас-Вегас.

— Ладно, Пэм, пора за работу. — Когда я поставила пустой стакан на пол и просунула руку под платье, чтобы вытащить из недр живота поддельные фишки, которые не хотели вылезать, я поняла, что сегодня не мой день. Не знаю, куда они запропостились, но я не собиралась сдаваться. Всего лишь очередная мелочь, пытающаяся испортить мне вечер. Чтобы пролезть глубже в живот, пришлось напрячься и покраснеть до состояния помидора. И (за что?) в момент, когда рука проскользнула глубоко внутрь, дверь моей кабинки открылась. Дверь, которую я забыла закрыть. Картина, как в самом тупом американском кино: я стою полусогнутая с рукой, засунутой наполовину «в живот», а игральные фишки сыплются из меня прямо в унитаз. Боже, ты существуешь? Я была похожа на автомат с монетами, и, судя по всему, дама напротив меня сорвала джекпот.

— Просто магия какая-то, — сказала красотка в ослепительном платье. — Ты, как всегда, впечатляешь, Пэм.

— Почувствовала как и сразу прилетела? — ответила я и опустилась на сиденье, словно на трон. — Ты чего вламываешься без лука? СТУКА!

— Извини, — сказала та сладким голосом и потянулась за ручкой смыва, — а то дышать нечем. — Но я успела перехватить ее и не дала смыть мои фишки, которые мне скоро предстоит вылавливать голыми руками.

Как вы уже догадались, мы были знакомы. Эту девушку тоже звали Пэм, и она являлась полной противоположностью мне. Так сказать, улучшенная версия из параллельной вселенной, куда ей и стоит отправиться! Разумеется, мужчины называют ее Памела и видят в ней ту самую силиконовую героиню из фильма, ибо они действительно похожи.

Интересно, если я тоже накачаю себе во всех местах, буду ли я похожа на сексуального спасателя или все-таки на пингвина, ставшего жертвой косметологических испытаний?

Как так вышло, что именно сегодня две мошенницы оказались в одном казино? Плохой знак, очень плохой! Но я не собираюсь поворачиваться к ней спиной и с позором возвращаться домой, как это случилось на выпускном, когда меня никто не пригласил на танцы, но мама заставила идти в школу. И то только для того, чтобы она могла развлечься с молодым любовником.

Жалею ли я, что не пошла тогда на выпускной? Да! Дело в том, что вместо того, чтобы пойти в актовЫй зал, я пошла в торговый центр. Хотела просто посидеть в ресторанном дворике. Но вместо спокойного вечера за липким столом я провела три часа, застряв в прозрачном лифте.

Столько сочувствующих взглядов я не видела никогда. Я была в уродливом платье с блестками, и все думали, что я опаздываю на выпускной — праздник, которого ждет каждая

девочка с начала учебного года и до самого конца. После этого позорного случая я пересмотрела свое отношение к животным в зоопарке. Теперь я понимала, каково им.

— Так зачем ты вломила в туалет? — спросила я, искренне интересуясь. Почему-то в моем голосе сейчас преобладал бас, и я не могла его контролировать. Я смелая, уверенная в себе Пэм!

— Сначала я просто увидела твои торчащие ноги из-под дверцы. Кстати, босоножки тебе не идут. Сильно выпирает жир. Как на колбасе в сетку. Затем услышала, как ты тужишься. Подумала, наконец-то, три года спустя, свет увидит твоего трехлетнего младенца. Ну а вообще, решила, вдруг нужна помощь.

Не передать словами, как я ее ненавидела.

Вдруг в дамскую комнату зашло еще несколько женщин в возрасте. Увидев нас, они замерли в оцепенении.

— Не обращайтесь внимания, дамы, — я поспешила их успокоить, не хватало еще привлечь внимание охраны. — Просто объясняю этой красотке, что она не в моем вкусе и что я по мальчикам.

Оскорбившись, Памела скорчила физиономию и вышла. Удостоверившись, что дверь закрыта, я вдруг поняла одну неприятную вещь: предыдущий посетитель моей кабинки не смыл мочу.

— Охренеть! И что мне прикажете делать?

Отлично, Пэм! От слов к делу. Если раньше людям могло показаться, что я измазана человеческими отходами, то теперь я самолично лезу в них! Игры закончились. Теперь все по-настоящему. Если бы руку пришлось опустить один раз, я бы не сильно возмущалась, но так просто мне не отделаться.

Выйдя из кабинки по локоть в моче и с приступами рвоты, я побежала к раковине, на которой стояла табличка с надписью: «Холодная вода не работает. Только горячая. Будьте аккуратны».

— Да вы издеваетесь.

Повернув кран, я поняла, что из него льется кипяток. Такой, знаете, как в только что вскипевшем чайнике. Секунду-другую я размышляла: сварить руку, но выйти чистой; или просто дать деру из казино? Я выбрала сварить руку. Но быстро. Зажав фишку между зубами, чтобы не кричать от боли, я сунула ее под поток воды. Видимо, боль была настолько сильная, что мозг заработал на все сто процентов, и я вспомнила, что фишка в моем рту только что плавала в унитазе.

Одновременно выплюнув ее и закричав от боли, я сдалась. Уже готовая отправиться домой, я остановилась посмотреть, как зашедшая только что в уборную женщина подошла к другой раковине помыть руки. Ей удалось это сделать без труда. Знаете, почему? ПОТОМУ ЧТО ТОЛЬКО МОЙ КРАН БЫЛ СЛОМАН! Я осмотрелась и поняла, что та табличка стоит только на моей раковине.

— Слепая ты курица! — выпалила я чересчур громко. Удивленная женщина испуганно на меня посмотрела. Еще бы. Тут у каждого второго крыша едет, когда все их банковские карты опустошаются. — Это я не вам. Ей. — И я ткнула пальцем на себя в зеркало, чем доказала свою полную неадекватность. Клянусь, на лице незнакомки читалось «Вот и настал мой конец! Беги, Дэбра, спасай свою жизнь». Да, я назвала ее Дэброй, и неважно, так ли это на самом деле.

Женщина поспешно покинула дамскую комнату.

Стоя и глядя на свое отражение, на секунду я себя возненавидела. Как люди вообще рожают таких тупиц, как я? Не удивлюсь, если биологическая мать отдала меня в детский дом, потому что случайная гадалка на заправке поведала ей мое будущее.

— Нет, — повторила я отражению, — ты достигнешь высот. Таких, что все ахнут.

Отмыв наконец руку, я пошла зарабатывать деньги. Фишки в моей руке были мокрые, так как я забыла их высушить, но мне уже было все равно. Всего пять минут — и я отправлюсь домой заедать сегодняшний конфуз.

Я с улыбкой села рядом с мужчиной у «Рулетки», надеясь, что от меня не пахнет мочей. Моя задача была в том, чтобы поставить свои фишки рядом с его фишками и передумать играть до того, как скажут «ставки не принимаются», и забрать настоящие фишки.

— Делайте ваши ставки.

Несколько человек за столом зашевелились и положили фишки на игровое поле.

— Я пока посмотрю, — добродушно ответила я, поймав на себе взгляд. — Я еще не играла, не знаю, что нужно делать.

Стандартная фраза, чтобы дожидаться, когда мой сосед поставит на поле те фишки, которые выглядят точь-в-точь как мои.

— Кого ожидаете: мальчика или девочку? — спросил мужчина.

— Девочку. Прекрасную маленькую девочку.

— Говорят, новичкам везет, — снова обратился сосед.

— Да-а, — простонала я, — знала бы я это раньше, не сидела бы здесь с ребенком под сердцем.

Почему-то мужчина смутился.

— А где же отец семейства? — продолжил он.

— Арнольд? С ангелами, — грустно пробубнила я. Мужики любят печальные истории. — Или в аду. Не знаю. Я забеременела, и его сразу забрали воевать с террористами.

— Очень жаль. Уже придумали, как назовете?

— О, да. В честь погибшего отца.

— Вы назовете девочку Арнольдом?

Пережив стресс последних пятнадцати минут, я молниеносно очнулась. Кто меня за язык тянул?

— А-а, нет. То другой отец. Его брат. Там тоже чудовищная история произошла. Брат Арнольда погиб в аварии, и Арнольд решил стать его отцом. Кровь-то одна. Какая разница, кто будет воспитывать?

Кто-нибудь, залепите мой рот скотчем! Почему я сначала говорю, а потом думаю? Почему рот опережает мозг? Это вообще возможно вылечить?

— Делайте ваши ставки, — услышала я и воспользовалась моментом.

— Делайте ставки, — по-доброму обратилась к соседу и указала на его фишки белого цвета. Он положил десять штук на поле, и тогда я положила свои.

Вернув руку на живот, я остолбенела от шока. С моих фишек начала сходить краска. Они потрескались, и появились светло-зеленые пятна.

— Что с вашими фишками? — удивился мужчина, присматриваясь к ним ближе.

— Срочно охрану! — Проорав в рацию два самых страшных слова в моей жизни (после слов «я обделалась»), кто-то указал на меня пальцем, после чего я ощутила на себе взгляд камеры.

— Ноги, не подведите меня! — Пробормотав мантру на удачу, я кинулась к ближайшему выходу. Бежать можно было бы и быстрее, если бы не пятикилограммовый живот. Но выбора не оставалось. Я достала из сумочки перцовый баллончик и опрыскивала им каждого, кто ко мне приближался ближе, чем на метр. Будучи на адреналине, я случайно обрызгала старую китаянку, которая не вовремя вышла из-за автомата. Почему старым людям всегда достается, когда они рядом со мной?

Издалека я заметила у выходов увеличившуюся в числе охрану. Они все смотрели в телефоны, а затем осматривали людей, ища меня. Видимо, им уже поступило мое фото с камеры.

— Черт!

— Пэм. — Знакомый голос прозвучал справа, и я обернулась. Там стояла моя сексапильная соперница. — Помогу тебе выбраться, если покинешь город.

— Роллы или овсянка? По рукам! — Мне стало так страшно при мысли, что я попаду в тюрьму, что я даже согласилась бы окунуться головой в тот самый унитаз и вытащить оттуда фишки ртом.

Памела кому-то кивнула, и я увидела, как какой-то мужчина включает пожарную тревогу.

— Ты моя должница, — сказала Памела и спокойно направилась к выходу.

Началась паника. Люди кричали и сбивали друг друга с ног. Боюсь, в данный момент моя беспроектная фраза «я обделалась» не поможет. Схватив чье-то оставленное пальто (а заодно три миниатюрных сумочки), я накинула его на себя и побежала напрямик в руки охраны. Несмотря на панику, они продолжали меня выискивать. И вот, когда я подошла к ним совсем близко, один из них схватил полную девушку, похожую на меня.

Это просто кошмар. Оказавшись дома в своей съемной маленькой комнате в мотеле, где останавливаются разве что те, кто хочет покончить с собой, я вытащила большой рюкзак, в котором было все необходимое для срочного побега. Затем я переделалась в спортивную одежду и сняла накладной живот.

Напоследок я порылась в украденных сумочках и обнаружила там аж двести сорок баксов.

— Ну, пора возвращаться домой, — с тоской сказала я отражению в зеркале, где находилась небольшая фотография меня и лучшей подруги.

Глава вторая

— Из-за вас я пропущу роды своей кошки! — возмущалась неприятная женщина позади меня, когда я в поту пыталась найти свой билет на посадку.

— Вот как увидит вас, красотку, сразу окотится. Как из пулемета котят полетят!

«Заканчивается посадка на рейс...»

Приятный голос в громкоговорителе заставил нервничать еще больше. «Обожаю», когда люди самым спокойным тоном сообщают тебе плохие новости. Этот способ психологического давления вообще законен?

— Если вы не можете найти билет, пропустите других! — Мерзкая жаба подвинула меня в сторону, но я не стала скандалить и говорить, что она похожа на представителей бесхвостых земноводных.

Перерыв всю ручную кладь и карманы, я запаниковала. Неужели я обронила билет? Мне так хотелось покинуть Лас-Вегас, что я готова была полететь в отсеке с багажом, заваленная людскими вещами первой необходимости.

Вдруг в громкоговорителе я услышала свое имя.

— Памела Честерфилд, пройдите на посадку.

— Да здесь я, не могу найти чертов билет!

Стройная девушка за стойкой, проверяющая билеты и паспорта, оторвалась от микрофона и пропела нежным голосом, что она обязана оповещать опаздывающих на весь аэропорт, чтобы потом у них не было претензий к авиакомпании.

«Заканчивается посадка на рейс номер...»

Твою ж мать!

Не хватает фразы «Ваши денежки за билет скоро улетят вместе с самолетиком».

«Памела Честерфилд, пройдите на посадку. Посадка заканчивается».

— Я же не опаздываю! Я здесь! Перед вами стою!

Убедившись в сотый раз, что билет посеян, я начала крутиться туда-сюда в надежде найти его на полу.

— Мэм, — мелкая заноза снова ко мне обратилась, но у меня не было времени вести беседы. ГДЕ МОЙ БИЛЕТ?

Под сиденьем я увидела какую-то бумажку, резко села на корточки (послышался хруст умирающих коленей), кряхтя, облокотилась на руки и приняла самую вульгарную позу, какую можно увидеть только в фильмах для взрослых и в аэропорту, если вы знакомы со мной...

— Мэм. — Ее детский лепет раздражал меня с каждой секундой. Я уже просто вся горела. Чуть ли не дымилась.

Если бы была награда за суперневнимательность, она бы выглядела как точная копия меня. Просто представьте: статуэтка из чистого золота в форме полноватой девушки со сло-манным каблуком, растрепанными волосами и жиром, торчащим из-под футболки. Приветик, лузерша десятилетия.

Если я попаду в рай и встречу там Бога, он наверняка скажет: «Спасибо, что повеселила меня. Отличный был сериал».

— Мэм!

Не дождавшись в очередной раз моего ответа, девушка заговорила в громкоговоритель:

— Дама, ползущая на карачках под сиденьем, ваш билет торчит из заднего кармана!

Просто подставьте пушку к моей голове впритык и нажмите на курок, чтобы я могла забыть эту катастрофу. Или хорошенько стукните! Правда! Мне необходима амнезия.

В самолет я зашла насквозь мокрая, будто по дороге в аэропорт мое такси упало в озеро. К счастью, дама, летящая к кошке, разместились в носе самолета. Очень непродуманно, на мой взгляд. Ведь больше шансов выжить в попе самолета. Плохо она беспокоится о питомце.

И вот, казалось бы, все беды позади, однако! Мое место у окна занял ребенок. На вид ему было лет пять. Рыжий и весь в конопушках. Когда он на меня посмотрел своими светло-серыми глазами, сливающимися с белками, я еле удержалась, чтобы не перекреститься.

— Надо бы тоже помолиться, — сказала мать ребенка — полная женщина с каре, еще больше подчеркивающим толстое лицо. Ее одежда останется без комментариев. Просто вспомните, как выглядит моль.

И да, похоже, я все-таки перекрестилась. Что дальше? Почему бы прямо не спросить: «Ваш ребенок случайно не убийца? Я тогда посижу в проходе».

— Похоже, у окна мое место, — вежливо сказала я, не смотря на ребенка сатаны.

— Ой, это первый полет Джереми, он так хотел полететь у окна. — Как я сразу не слышала ее писклявый, режущий ухо в кровь, голос? Меня возмутило, что я должна подстраиваться под желания незнакомого мне чада. Поэтому страх быть им убитой резко прошел.

Мне не нашлось ничего сказать, кроме:

— Как жаль, что не сегодня. Давай, малыш, двигай задом. — И, надвигаясь своими немалыми габаритами, я двинулась на свое место. Испугавшийся сатаненок мгновенно телепортировался с моего законно купленного места.

Летели мы целых четыре часа. Большую часть из которых я старалась не смотреть на мелкого. Он постоянно ковырялся в носу, ел чипсы, которые летели во все стороны, напевал дурацкие мелодии, и очень скоро я поняла, что не обязательно убивать человека — можно просто свести его с ума. Что он и пытался со мной сделать. Его мать даже не обращала на него внимания. Мне кажется, она видела, что я постоянно раздраженно кошусь на него, и втайне радовалась. Как кто-то вообще смог заняться с ней сексом? Хотя я порой тоже смотрю на себя в зеркало и задаю себе аналогичный вопрос. Знаете, я никогда особо не любила детей. Порой во мне просыпается внутренняя мать, желающая продолжения рода и просто о ком-то заботиться, но потом я вспоминаю, что единственный человек, о ком я должна думать, — это я. У меня абсолютно нет никакого желания следить за маленьким человечком каждую секунду своего времени. Вполне возможно, что однажды я решусь на ребенка, но, скорее всего, из-за сумасшествия. Вполне вероятно, я просто украду малыша с детской площадки, чтобы пере-шагнуть период рыгания на плечо, кормления грудью и общения на неизвестном мне языке, состоящего из спонтанного набора букв вперемежку с мычанием и слюнями.

В какой-то момент я начала просыпаться. Мой слух поймал мелодию, от которой у меня пошли мурашки по телу. Похоронная музыка. Серьезно? Я лечу на высоте восемь тысяч метров под похоронную музыку? Открыв глаза, я увидела, откуда идет звук. Мелкий засранец смотрел на планшете сериал, в котором толпа наматывала на кулак сопли, прощаясь с каким-то цыганом.

Невероятная жизнь, полная приключений. Я не слишком суеверная, но если бы человек раз в жизни мог воспользоваться телепортацией, я бы переместилась прямо сейчас.

В аэропорту творился кошмар. Я должна каждый раз подчеркивать, что он творится только со мной? Наверно, уже и так понятно.

На багажной ленте никак не появлялся мой рюкзак. Мало того, что ты каждый раз вынужден отдавать свои лучшие вещи на произвол судьбы, надеясь, что им не выпал тот самый единственный и великолепный шанс отправиться куда-нибудь в Африку, так еще стоишь по полчаса у ленты, играя в самую-волнующую-игру-на-свете под названием «вернись, я все прощу».

Больше всего меня раздражают бесхозные сумки, которые делают уже десятый круг на ленте. Я одна такая ненормальная, каждый раз несусь забирать багаж впереди всех, как будто за это есть награда? Мне всегда было интересно, в какую дыру проваливаются их хозяева. Если это не история про Алису в стране чудес, где вы невероятным образом на полчаса попали в загадочную страну, то даже не рассказывайте мне, где вы пропадали, пока я наблюдаю за вашими сумками и третила нервы.

Еще один момент: вы родились под счастливой звездой, раз абсолютно уверены, что ваш багаж не прихватит какая-нибудь воришка вроде меня? Сейчас мне просто не хотелось таскать чужую сумку, потому что я дико устала, и единственное, чего мне хочется сейчас, — это большой бургер с тройным соусом и желателью прямо в кровать. Но в другом случае я бы рискнула, поверьте.

Неожиданно и очень не вовремя ко мне обратился пожилой мужчина с тростью и в шляпе. Твой самолет летел пятьдесят лет? Поздравляю, сейчас я расскажу тебе, что такое сотовый телефон, который также является фотоаппаратом, картой, пейджером, почтой, аудиоплеером, кинотеатром и многим другим.

— Вы тут совсем одна, вам не зябко? — Интонация и лицо показывали, что он настроен весьма романтично.

Видели бы вы его «харизму», которой он старательно играл передо мной. Я чуть не расмеялась.

— Дедуль, неужели я выгляжу настолько отчаявшейся, что решу заняться с тобой сексом? Его улыбка стала шире, и меня затошнило от отвращения.

— Не воспринимай так близко к сердцу. Мы просто два человека, ищущих ласку в общественном туалете.

Я еле проглотила подошедшую рвоту.

— Реально? Вы хотите заняться со мной сексом в туалете? — переспросила я, включив режим супер-удивленная-Пэм.

— Что тут происходит? — Внезапно появилась пожилая женщина, услышавшая мои слова. Она нежно взяла дедулю за руку. Его жена. — Докатились, проститутки работают уже в аэропортах. Пошла вон, совратительница.

Я застыла, как вкопанная, открыв рот. Еще бы секунда — произошло бы слюноизлияние.

— Разве я похожа на проститутку, мэм?

— На двухдолларовую — да!

Ей повезло, что приехала их сумка. Помните мое личное проклятье, связанное с тем, что всех пожилых людей, оказавшихся в радиусе метра от меня, постигает неудача? Обратный отсчет до неловкого момента уже переворачивал циферки, приближаясь к нулю, но они успели спастись от проклятья.

— Прекрасно. — Без эмоций, оскорбленная и без желания жить, я направилась к своему рюкзаку, показавшемуся на ленте. Казалось, он весил целую тонну.

Эй, везение, ты где? Даже не удивлюсь, если в рюкзак подложили какой-нибудь компромат, и сейчас появится полиция, которая чисто интуитивно поняла, что я террорист.

На всякий случай открыла его и убедилась в обратном. Зайдя в узкую кабинку уборной, я достала накладной живот и отправилась на дорогу ловить халявное такси до дома. Всегда срабатывает. Говоришь, что вот-вот разродишься двойней, и тебя отвезут хоть в Диснейленд. А если еще добавить, что гадалка предсказала появление второго Иисуса в лице моего дитя, доедем с ветерком.

Добравшись до ближайшей автобусной остановки, я без труда поймала машину, села на заднее сиденье и начала грустить, вспоминая родной Миссури.

Супергрустное детство + суперхудшие родители + супернеуверенность в себе = психологическая травма. Насчет родителей я немного преувеличила. Они меня не обижали, но делали вид, будто меня не существует. Мне всегда казалось, это из-за полноты. Мать брезгливо относилась к полным людям, а также ко всем, кто был неевропейской внешности. Всегда хотелось спросить, почему она не выбрала стройного ребенка. В любом случае — спасибо, что спасли из приюта. Там все ненавидели друг друга. Я росла в доме, который на словах являлся «Приютом святого Микаэля», а на деле «Добро пожаловать в зомбиленд». Никакой дисциплины. Злых детей гладили по головке и разрешали воровать в магазинах (часть ворованного оставалась у взрослых), а добрых и запуганных детей разрешалось унижать. Каким образом я вообще выжила? Единственное, чему я научилась, — это отлично прятаться и воровать еду на кухне.

Помню, долгое время там работала кухарка по имени Мюриел. В силу возраста и плохой дикции я называла ее Мюрля, за что нередко получала ремня.

Она до смерти боялась грызунов, а в нашем приюте их было предостаточно. И чтобы украсть еду, мне приходилось ловить мышей или крыс, которых я подсовывала на кухню, после чего Мюрля выбегала оттуда, словно спаслась от огня.

Первые несколько раз я смеялась до боли в животе. Позже это превратилось в рутину.

Не знаю, может, мне тогда везло, или мой ангел-хранитель не пил, но я всегда находила способ, как своровать и остаться непойманной. Вот такой талант.

Не хочу сказать, что получаю нереальное удовольствие, поступая как «плохая девочка», но мои желания всегда были в приоритете. Если я хотела есть — что в этом плохого?

Несмотря на то, что вокруг всегда находились люди, раздавался смех и дети постоянно что-то обсуждали, я была самым одиноким человеком на планете. Как блуждающий призрак. Обо мне вспоминали только тогда, когда нужно было над кем-то посмеяться.

Знаете, что бы я сказала себе маленькой? Я бы сказала: «Не давай себя в обиду! Ты не хуже других. Если тебя бьют — бей в ответ».

Вполне возможно, я просто не успела настолько разозлиться, чтобы начать избивать врагов. Просто появилась Дженни. Мы познакомились в третьем классе. Она проучилась со мной полгода, и родители перевели ее в другую школу — более консервативную и порядочную. Но мы виделись почти каждый день. Рассказывали, что нового, мечтали выйти замуж за принца на белом коне.

Однако сейчас я представляю подобное знакомство с принцем, как попытку изнасилования сумасшедшим маньяком. Люди давно слезли с лошадей и пересели на машины. И то, когда я иду по дороге, и вдруг рядом останавливается тачка с тюнингованными окнами, а оттуда выглядывает далеко не принц и не альфа-самец-мужчина-мечты-я-согласна-выйти-за-тебя-прямо-сейчас, большого желания для знакомства не появляется. Скорее хочется перелезть через ограду и прыгнуть в реку с моста.

Однажды со мной случилось нечто подобное. Водитель сомнительной внешности замедлил свое корыто напротив меня и никак не хотел ехать дальше. Тогда я сделала вид, что дошла

до своего дома. Для этого мне пришлось зайти на чужой двор, постучаться в дверь к незнакомому человеку и притвориться, что мне срочно нужно позвонить маме, а мой телефон якобы разрядился.

Этот придурак стоял напротив дома целых пятнадцать минут, и все это время мне приходилось разговаривать с пустотой в трубке. Под конец я уже даже не знала, что обсуждать. Дошло вплоть до «мам, а что у нас на ужин?» Сейчас я вспоминаю ту историю и спрашиваю себя: почему я просто не объяснила хозяйке дома, что мне нужно было отвязаться от похитителя женских сердец. В прямом смысле. Похищает сердца и продает их на черном рынке.

Интересно, какой у меня уровень ай-кью? Год назад я решила пройти этот тест и на пятом вопросе просто закрыла сайт, потому что это был пятый вопрос, на который я не смогла уверенно ответить. Потом в страшном кошмаре мне приснился итог теста. Там было написано: «У вас ни ума, ни фантазии».

С первым соглашусь, но со вторым точно нет.

Разве можно подобное сказать про человека, который воспользовался ванной соседки, пока та уехала по делам? Видимо, у меня выпала из головы ее фраза «меня не будет два часа», потому что я налила себе ванну, расслабилась и в неглиже встретилась лицом к лицу с соседкой спустя два часа. Хотя мне было велено просто последить за котом.

— Удачи вам с малышом, — пожелал мужчина, когда мы остановились по нужному адресу.

— Чего? — от усталости я ответила раздраженно.

— С малышом, — повторил он, переведя взгляд на мой живот.

— О, я еще не скоро планирую становиться матерью.

По шокированному виду людей я обычно сразу понимаю: Пэм-ляпнула-фигню. И тогда начинается внутреннее расследование на осознание происходящего.

— Решили отдать ребенка в детский дом? — спросил водитель, не унимаясь.

Теперь я поняла, о чем шла речь. Я же типа беременна. Мне кажется, даже если я вставлю наушник в ухо, где будет постоянно повторяться напоминание о моем положении, я все равно буду про это забывать.

— Ага, чтобы следующие восемнадцать лет его учили тому, как оказаться в тюрьме? Нет уж. Я выращу этого пупса сама.

Нередко мне самой становилось стыдно за свои слова. Почему лучшее, что у меня получается, — это вести себя НЕНОРМАЛЬНО? Где сей потрясающий талант пригодится? Почему есть звонки «секс по телефону», но нет чего-то вроде «веселые истории неуклюжей кулемы»?

Интересно, офис для работников был бы большой или маленький? Зависит от того, как много людей родилось под звездой неудачи. Ну и назывался бы он «Гарцующая Клуша». Так и вижу: заходишь внутрь, а там везде веселые таблички с надписями «смотри под ноги», «сейчас будет ступенька», «не ударься об косяк», «ты выключила дома утюг?», «Ты точно закрыла дверь?», «проверь плечи на обгаженность птицами» и так далее.

Идеальное место для тех, кому нужен глаз да глаз и кто умеет читать быстрее, чем идет, иначе не успеешь ты прочитать надпись, как споткнешься о ступеньку, ударишься об косяк и, пока будешь весело лететь с лестницы под пристальным наблюдением камер для нового сумасшедшего ролика для ютуба, вспомнишь, что забыла выключить утюг и закрыть входную дверь на ключ. Но вряд ли грабитель решится зайти в горящий дом. Так что, как говорится, «ни тебе, ни мне».

Когда я выковыряла себя из машины, как обычно громко хлопнув дверью (вечная проблема), я обнаружила на месте дома родителей нечто шокирующее.

Глава третья

Пэм Честерфилд официально бомж. Я в возрасте двадцати трех лет осталась бездомной. ПП — просто прекрасно. Время почти полночь, я в мокрой потной футболке стою на обочине жизни перед нереально крутым домом, которого здесь быть не должно.

— Никогда не поверю, чтобы мои предки снесли старую халупу, — дом выглядел как мечта наркодилера, — и построили супер-богатый-дом-джеймс-бонда.

Доковыляв до почтового ящика, на который без восторга не взглянешь, я убедилась, что приехала куда надо. Дом теперь принадлежал людям с фамилией Вандербельд.

— Сволочи. Даже фамилия звучит дорого. Кто вы вообще такие, черт возьми? — Я попробовала произнести ее отвратительным голосом, но фамилия все равно звучала впечатляюще.

Чтобы подобраться к двери, мне пришлось бы сразиться с забором, но сегодня во мне не родилась победительница Олимпийских игр или Лара Крофт: перелазательница заборов и разрывательница штанов между ног, так что я предпочла просто обойти дом вокруг — вдруг увижу кого-нибудь.

Сколько жила здесь и ни разу не задумалась, что наш район может выглядеть презентабельно. Приемлемо.

Да сюда можно экскурсии водить. Причем не обязательно заходить внутрь. Если бы вы увидели этот шедевр (без сарказма), вы бы поняли, о чем я.

В принципе, поставьте мне собачью конуру — и я готова в ней жить, чтобы лицеизреть такую красоту.

Дойдя до угла забора, я чуть не завизжала, как свинья. Или мне опять показалось, что я не завизжала?

Мой любимый домик на дереве красовался между забором и домом старушки Мэгги. Неужели она выкупила часть земли и не уничтожила его под корень с превеликим удовольствием?

— По всей видимости, жить мне теперь здесь.

Не смею жаловаться, друзья. Главное — раздобыть маленькую плиту, электричество — и живи в свое удовольствие до ближайшей зимы, которая станет для меня последней в первую же минусовую температуру.

Хотя нет, у меня же будет плита. Буду греться у нее и жарить яйца, что найду в птичьих гнездах. Пэм — расхитительница гнезд.

Кто там говорил про отсутствие фантазии? А, это был сон. Стоп. Сон контролируется моим мозгом. То есть он против меня? Это как вообще понимать?

В очередной раз я выдохнула и сказала себе: «Ты не сумасшедшая».

Рука потянулась под фальшивый живот, чтобы почесать брюхо. Я нащупала складку жира и начала мять ее. Так забавно. Настоящий антистресс.

Чувства ностальгии снова захлестнули голову. Пожамкав жирок еще несколько секунд, я подошла к домику детства. Здесь я пряталась от проблем. И от нелюбимой себя...

Одновременно грустно и классно. Я потрогала кору дерева, при этом испытывая страх по волшебству вернуться в прошлое и оказаться семилетней девочкой, у которой нет друзей. Не дай Бог, слышишь? Пережить ту тоску заново — нет, я не согласна.

Когда в моей жизни появилась Дженни, все стало гораздо проще. И тогда в домике на дереве я уже проводила время не одна.

Дженни дала имя этому дереву. Просто Том. Весь мой мир вокруг ожил, когда появилась лучшая подруга.

С Томом мы делились самыми болезненными секретами. Он всегда был «за» выслушать наши проблемы. Знаете, что нам в нем нравилось больше всего? Он не осуждал наши поступки.

Дженни уронила дорогую вазу и свалила все на собаку — Том согласился, что она не специально.

Пэм подложила в портфель противной Ким Пэссэнджер собачьи экскременты — Том посчитал, ей досталось по заслугам.

Дженни позволила себя поцеловать Дину за сделанную домашку — Том проявил понимание, ведь одна плохая оценка способна изменить итоговую в четверти.

Пэм втихаря стащила пиццу в школьной столовой — Том порадовался, что ей не пришлось голодать.

Перечислять еще долго. Домик располагался очень низко, так что мне не составило труда забраться в него и сесть у стены.

— Да уж, Том. А ты почти не изменился.

— Лизун! — Услышав чужой голос, я подскочила и ударилась головой.

Так меня называл только один человек.

— Господи, я от страха чуть в штаны не наложила! — Говоря это, я не верила своим глазам. В проходе торчала голова Дженни Стоун — моей лучшей подруги. Ее черные волосы были убраны в хвост, а из ушей торчали наушники.

— Я думала, мне почудилось! Это правда ты?

— Правда я! Хотя сама порой не верю.

В следующий миг мы накинудись друг на друга, будто не виделись тысячу лет.

— Ты такая красивая стала, — немного завидуя, пробормотала я.

Дженни залезла в Тома и села напротив. Места было очень мало для нас двоих. Да и вряд ли она согласится со мной жить. Тут даже туалета нет. Хотя вон та консервная банка, оставленная бомжом, подойдет.

— Да ну! — Она прикрыла рот ладонями. — Ты беременна!

Остановите время, я сойду с планеты. ЧЕРТ!

— А-а, это... — Когда моя реакция становится настолько заторможенной, люди думают, я даунесса из города Даунленда с улицы Даунлендской. — Чудная вышла история.

История, которую я еще не придумала и которая не входила в мои планы.

— Представляешь, совершаю я свою традиционную пробежку по окрестностям, и вдруг вижу тебя, заползающую в нашего Тома. Роды наоборот. — Она заливисто засмеялась, отчего на ее носу появились морщинки. — Ладно, давай по порядку. Ты вернулась? — спросила радостная подруга. Джен выглядела потрясюще даже в спортивном костюме.

— Вернулась. Только не знала, что мой дом снесли под корень.

— А родители что? Ты им звонила?

— Пару лет назад. Похоже, они сменили номер телефона, так что я даже не знаю теперь, где они.

— Как они могли не сказать тебе новый номер? — искренне удивилась та.

— А ты вспомни, как мы расстались. Со скандалом. — Я сымитировала руками большой взрыв.

Пять лет назад, как и сказала та сумасшедшая, напавшая на меня в парке, я познакомилась с Рико. Оказалось, он знал моего отца, и у них были какие-то общие дела. Так вот, я ему очень понравилась.

И поскольку Рико был первый мужчина, которого зацепило то, какая я была, мне ничего не оставалось, как повеситься на его шею и сбежать с ним на пятый день после знакомства.

Родители были категорически против. Я только закончила школу, пороха еще не нюхала, как говорил папа, и уже собралась в какой-то Лас-Вегас с малознакомым мне человеком.

Безумный и очень глупый поступок. Но тогда меня ждало только одно будущее — отец позаботился, чтобы меня приняли на работу официанткой в ресторан. Он считал, я не способна ни на что, кроме как обслуживать столики.

Тяжело вспоминать его слова. И это далеко не самые обидные вещи, что он говорил мне. Чертов козел.

Я уходила из дома с одним чемоданом, поскольку остальное у меня не получилось забрать. Отец схватился за сумки и не выпускал их из рук, думая, что меня это остановит.

Так и закончились мои невероятные отношения с родителями. Покинуть их дом было моей самой яркой мечтой. Но не предел желаний, конечно.

Дженни грустно кивнула головой.

— И что ты теперь будешь делать? — спросила подруга, сканируя меня насквозь.

Не любила я это чувство. Оно похоже на красную мигалку у скорой помощи. И срабатывает эта штукавина, когда я вижу возможность обмануть и получить для себя выгоду.

Дженни сидела вся такая озабоченная моим благополучием, невинная, красивая, и я собиралась ею воспользоваться...

— Если честно, я вернулась к родителям, потому что я на мели. А жить мне негде. Тем более скоро появится ребенок, а я не хочу, чтобы его постигла та же участь, что меня в детстве. Мне очень не хочется отдавать его в детский дом.

Скривив губы, я сделала вид, будто сдерживаю слезы. А они были в душе. Слезы стыда. Учитывая мои актерские таланты, сто процентов я выглядела как в приступе эпилепсии.

— Решено! Ты поживешь пока у меня. Это будет так классно! — Она захлопала в ладоши от радости. — Пошли скорей домой. Ты хочешь есть?

Вопрос был оскорбителен, ответ — очевиден.

— Всегда.

Перед тем как отправиться к ней, я позвонила в дом, где когда-то жила старушка Мэгги. Наверняка ее уже нет в живых.

Дверь открылась и сразу же захлопнулась с нечеловеческим визгом. Мэгги была жива и, судя по всему, очень испугалась, увидев меня. Ведь я всегда приносила ей сплошные неудачи. В последний раз я ее видела, когда мы с Рико спасали меня от отца.

Помню, я прыгнула в машину, он надавил на педаль газа, и мы чуть не сбили бедняжку Мэгги. Если бы она не прыгнула в мусорные мешки, Рико попал бы в тюрьму, а я смиренно пошла бы работать официанткой в кафе у заправки.

Неожиданно дверь открылась, но лишь на пару сантиметров. Тебе это не поможет, бабуля, подумала я. Мэгги теребила крестик на груди.

— Привееет, — протянула я, как полоумная. — Как у вас дела?

Как будто мне было интересно...

— Пэмочка, все хорошо. Как сама?

— Ношу антихриста, как видите. — Я указала на живот. Не знаю, зачем я это сказала, но упустить такой шанс было не в моих правилах. Шутку та не оценила, а лишь стала закрывать дверь. — Ой, Мэгги, стойте! Я всего лишь хотела узнать, где мои родители.

По шаркающим звукам я поняла, что старушка действительно ушла.

Дженни стояла у обочины в ожидании. Увидев, что дверь закрыта, а я все еще чего-то жду, она вопросительно развела руками.

Черт! Внутри меня горело желание расспросить старушку о родителях, и я хотела добиться своего.

Выдохнув, я пошла по клумбе с цветами, намереваясь добраться до окна и обратить на себя внимание. Мне очень не хотелось портить цветы, бабуля, наверно, полжизни на этих клумбах оставила, но она сама виновата, что закрыла дверь.

Испачкав кроссовки в земле, я все же добралась до окна и начала стучать по нему.

Не знаю почему, но Мэгги страшно испугалась. Она вдруг забежала по гостинной, будто искала свою молодость.

— Надеюсь, ты сейчас не выгатишь ружье, — я планировала это сказать тихо, но вышло достаточно громко, чтобы старушка услышала.

В конце концов Мэгги нашла искомое. Это был пульт. Она начала неистово тыкать на кнопки, направляя его в сторону окна.

— Совсем из ума выжила? Это ж для телека.

Но, как оказалось, не для него. На окно вдруг начали опускаться жалюзи, и тут я реально офигела.

— Роскошно живете, Мэгги. Пенсию повысили? Да и квартирка ничего у вас. Может, я зайду? Чаек попьем. Кот еще жив?

Дальше уже я ничего не видела. Жалюзи полностью закрыли окно.

— Сумасшедшая старуха. — Подумаешь, я ей ставила палки в колеса, но я же не специально. — Мэгги! Мэгги! Вы меня слышите? Я ж не специально была с вами злой. Просто на мне проклятье!

Лучше заткнись, Пэм!

Как только я собралась уходить, я вдруг налетела на огромное дерево и упала задом в клумбу.

— О, Господи! Все нормально? — Дерево оказалось здоровым высоченным парнем, который выглядел, как ангел с небес. Я даже подумала, что умерла. Но как это случилось? Вроде я ничего не ела, чтобы подавиться раз и навсегда.

Говори, Пэм. Но я не могла ничего сказать. Этот парень выглядел просто совершенно. Если Бог существует, он выглядит именно так.

Неожиданно подбежала Дженни. Увидев меня сидящей в цветах с тупым выражением на лице, она не сдержала смеху. Как она сдержалась? Я бы ржала, пока не описалась.

— Ты в порядке? — спросила она меня.

Парень поправил свои волосы, отчего я обомлела. Лучше не двигайся, чувак, если не хочешь, чтобы я впала в кому.

— Она ваша? — спросил незнакомец Дженни, как будто я маленький ребенок. — Она разговаривает?

— Пэм, что это под тобой? — обратилась подруга.

Не знаю, но надеюсь, там открываются врата ада, куда меня сейчас засосет.

Если вы думаете, что хуже быть не может, то устраивайтесь поудобнее.

— Боже! ТЫ УБИЛА БЕЛКУ!

Что я сделала? Каким образом вообще?

Дженни присела на корточки, наклонила меня в другую сторону и вытащила дохлую белку из-под моего зада-убийцы.

Хочу. Сдохнуть. Я убила животное своим задом перед самым красивым парнем на планете? Разбудите меня! Что угодно, только не этот позор!

Я готова проснуться семилетней одинокой и ненужной, только поверните время вспять!

— Бедное животное, совсем малюткой еще было, — добавил незнакомец. Я повернула голову, чтобы убедиться во всем сама.

Дженни держала двумя пальцами за хвост мертвую белку. Супер-катастрофа-всех-времен.

— Ладно, с кем не случается? — сказала подруга. Действительно, мать вашу! Поднимите руку, если с вами случалось подобное. — Пэм, это Джошуа. Он племянник Мэгги.

Теперь я точно в ауте. Предел офигивания достигнут, и намечается взрыв.

А это все объясняет! Похоже, мое проклятье действует на всю семейку Мэгги. Только каким-то образом белку убил не он, а я. Видимо, у Джошуа есть суперсила, способная оборачивать проклятье против меня.

Когда будущий муж помог мне подняться, я уже представляла, как рассказываю этот забавный случай многочисленным гостям на нашей шикарной свадьбе, которая будет проходить в соборе, где венчают принцев с принцессами.

Возможно, туда явится королева Англии. Само собой. Ведь где это видано, чтобы столь шикарный парень женился на ходячей катастрофе.

Уверена, если бы я стала королевой какой-нибудь страны, мое супервезение принесло бы ей кучу бед, разорение и голод.

ГОСПОДИ! Я же не рассказывала вам, что хожу во сне! Не часто, но бывает.

Самое страшное — просыпаться где-нибудь у шоссе на улице в одних трусах и ночнушке. И вот с позором ты идешь вдоль трассы в сопровождении мерзких «пиииип» и получая предложения от голодных мужчин.

Самая крупная сумма, что мне предлагали, — десять долларов. Вопрос только один: данная сумма уже с вычетом налогов или нет?

То ли цены в сфере услуг упали, то ли я себя вконец запустила. Представляете, живете так всю жизнь, вкладываете в себя, тратите кучу денег, а в итоге мужик готов заплатить за час с тобой десять долларов.

Однажды я не сдержалась и сказала одному:

«Нужно очень низко пасть, чтобы переспать с тобой. Такое стоит не меньше ста тысяч долларов».

Не повторяйте моих ошибок, если не можете себя защитить.

Тот парень начал бросать в меня весь мусор, что был у него в машине: стаканчик от кофе, пустую банку редбулла, грязную тряпку, и финалом были апельсиновые корки.

Пэм-крушить! Позеленев от ярости, как Халк, я схватила крупный камень и бросила прям в лобовое стекло, которое разбилось и покрылось сеткой из царапин.

Так быстро я еще никогда не бегала...

Хотите понять, как быстро вы способны бегать? Нарушите закон — и вы узнаете свой предел.

К слову, мы встречались с ним еще два раза. Во второй раз этот debil специально съехал правее в мою сторону и подсвечивал мой позор фарами пятнадцать минут, чтобы меня видели все проезжающие машины. А в третий — он опрыскал меня светящейся в темноте краской и быстро уехал.

Дабы скорее остановить хождение во сне и непрекращающийся-позор-Пэм, пришлось попросить незнакомца на улице зайти в магазин для взрослых, чтобы купить мне наручники, которыми я приковывала себя к кровати ночью шесть месяцев подряд.

Кстати, я не решалась заговорить целый час, прежде чем осмелиться попросить кого-то. Ведь я выглядела малолетней толстой извращенкой. Незабываемое сочетание.

Джошуа был крайне мил. Если бы на моем плече висела сумочка, я бы решила, он хочет меня ограбить. Но, смотря на него, я понимала, что готова сама отдать ему все сбережения и даже не сопротивляться, если он решит меня изнасиловать. Милости прошу, будущий-муж-воришка-насильник.

— Я просто хотела выяснить, не знает ли старуха, СТАРУШКА, твоя любимая бабуля, где мои родители. — Отлично, надеюсь, он не оскорбился. — Или, может, ты знаешь?

Указав на дом рукой, я удивилась, как отвратительно свисает жир с руки, как будто чьи-то вещи висели на сушилке. Фу.

— Тут раньше стоял дом, где я жила. Мы закопаем труп белки или оставим тут в клумбе? Тут красиво. Но лучше подальше, где не помято.

Мой глупый рот невозможно закрыть.

— Ты такой накачанный, — сказала я вслух! Хотелось просто сбежать. Может, еще предложишь ему руку и сердце прямо здесь? — Я тоже хожу в зал. Набрала массу нехило, и теперь вот пора зашиться. СУШИТЬСЯ!

— Я тут всего две недели. — Парень мечты посмотрел на супердом. От его глаз я опьянела. Точно! Вот мое оправдание!

— Я извиняюсь за свою неуклюжесть, — стала говорить я, пытаюсь контролировать каждое слово. — Немного выпила в самолете, чтобы легче летелось.

— Мне казалось, спортсмены не пьют, — уверенно сказал Джошуа. В его голосе послышалось разочарование. О, НЕТ!

— Да, я соблюдаю все правила ЗОЖ, молюсь на них, можно сказать, просто в самолете я могу запаниковать, и тогда меня придется сажать на толстую цепь, а то я и люк смогу открыть в панике.

— Постой. Тебе же нельзя пить! — вмешалась Дженни, чьи глаза округлились, как светофор.

— Это еще почему? А! — Теперь я поняла... Потому что я БЕРЕМЕННА. — Да я всего капельку.

Прекрасно. Теперь Джошуа точно решит вызвать для меня психушку. А если нет, то сто процентов при следующей встрече сделает вид, будто мы не знакомы, обойдет стороной или еще похуже:

«— Привет, Джошуа.

— Извините, мелочи нет».

Как и ожидалось, я поймала на себе взгляд «А ты случайно не представляешь угрозы нормальным людям?».

Я сама для себя угроза, малыш. Так что о чем ты? Спасайся, пока на тебя не упал метеорит.

Мы наконец прекратили топтать клумбу и вышли на тротуар.

Дженни предложила проводить нас до ее дома, чему я одновременно обрадовалась и из-за чего провалилась сквозь землю.

Джошуа взял мой рюкзак и понес на своей шикарной-мускулистой-груди. То есть спине...

Сначала я настаивала, что буду нести свои вещи сама, но Джошуа напомнил мне об одном нюансе. Я беременна.

Отлично. Просто замечательно. Теперь он на меня и не посмотрит. Ненавижу свою жизнь!

Просто скажите мне, неужели с каждым человеком на земле случается столько неловких событий? Если да, я перестану считать себя неуклюжей мартышкой, но если нет, как снять это проклятье?

Знаете, есть люди, которые типа заряжают своей энергией воду? Если бы это была я, вы бы, скорее всего, отравились.

— А ты сама здесь надолго? — Всякий раз, когда ко мне обращается красивый парень, мне кажется, ему от меня что-то нужно. Не будет же парень-божественной-красоты смотреть в мою сторону?

— Еще не знаю, — прохрипела я сильным голосом. Пришлось захрипеть, как хрюшка, чтобы выхоркать мокроту из горла. — Думаю, да.

— Ты отсюда родом?

— Верно, — подтвердила я. Надеюсь, он никогда не увидит меня, бродящую по городу в приступе лунатизма.

— Классно, значит, ребенок будет жить на твоей родине.

— Как ему повезло, — подтвердила я, пытаюсь просчитать, через сколько месяцев я должна разродиться и показать миру свое дитя. Через месяца три, наверно.

Как думаете, прокатит возить куклу в коляске и запрещать кому-либо смотреть на ребенка, в том числе лучшей подруге?

Выхода особо нет. Либо признаваться, либо переезжать. Признаться честно, я загрустила при мысли, что покину Миссури. Здесь Дженни — единственный родной человек в моей жизни.

— Я на самом деле тоже родился здесь. Мама говорила, что лежала в одной палате с мамой Дженни. Такое совпадение.

Подруга мило улыбнулась, переглянувшись со мной. Тогда до меня вдруг дошло. А вдруг они встречаются? Да как может быть иначе? Она — красотка, он — просто Аполлон. Да еще и такая история знакомства потрясающая. Не то что со мной, убившей задом белку.

— Кстати, получается, белка умерла из-за тебя, — сказала я, подпрыгнув от восторга.

— Почему это? — спросил красавчик.

Значит, не такой уж он и умный! А значит, не все в нем идеально!

— Если бы я об тебя не ударились, я бы не упала. Так что ты косвенно виновен и даже больше, чем я.

Неожиданно вмешалась Дженни.

— А может, если бы кто-то меньше ел, белка выжила бы?

Между нами, девочками, была договоренность: не акцентировать внимание на моей полноте при людях. Подруга об этом, видимо, забыла.

— Я была тростинкой, как ты, перед тем как забеременела.

Но Дженни знает, тростинкой я была в детстве и совсем недолго.

Когда мы дошли до трехэтажного дома подруги, поступило предложение, из-за которого могла раскрыться правда о моем положении.

Дженни предложила расслабиться в джакузи и немного выпить.

Глава четвертая

— Не стесняйся, снимай халат, — подталкивала меня Дженни, только что грациозно вошедшая в джакузи, как молодая пантера.

Но я стояла, вросшая в бетон. Привет, я дерево. Не обращайтесь внимания, я просто тут постою.

Дженни за пять минут превратила задний двор в лучшую вечеринку на свете. Тут горели разноцветные гирлянды, пахло благовониями, какой-то аппарат пускал мыльные пузыри, а вокруг джакузи стояли электрические свечи, которые не отличишь от настоящих.

Джошуа поставил гриль и жарил сосиски на закуску. Мало того, что я сходила с ума от голода, так еще этот парень вот-вот снимет майку и присоединится к нам.

Несколько минут назад Дженни чуть не увидела меня без живота, когда я переодевалась в своей новой комнате. Пришлось резко прыгнуть в сторону дверцы шкафа, чтобы спрятать себя настоящую. Так как я уже давно притворяюсь беременной, купальник у меня, разумеется, был. Так что данная ситуация не обречена на провал. Однако, зная себя, ожидать можно даже конца света по улице, где я только что ходила.

Выждав момент, когда Джошуа не увидит меня полууголой, я сбросила халат и быстро спрятала свое тело в воду.

— Так вы вместе? — спросила я у подруги. Та отрицательно помотала головой.

— Думаю, я недостаточно хороша для него.

Не знаю, как мне удалось сдержать летящую пощечину в ее сторону, но все же у меня получилось. Если уж она ему не ровня, то я вообще на каком уровне? И кому уж тогда я ровня? Старому деду?

Даже не знаю, за что именно мне захотелось ей втащить.

Подруга принялась разливать шампанское по бокалам.

— Пэм, тебе наливать или с тебя уже хватит на сегодня?

Мне показалось, или она меня подначивала? Я же даже не пила сегодня.

— От бокальчика не откажусь.

И вот настал тот самый момент, которого ждало мое воображение. Джошуа разделся до трусов и залез к нам. Я аж подавилась. Он был идеальный. Красавец взял с подноса сосиски, разложил их по тарелкам и одну передал мне.

Не знаю, от кого пахло так сексуально: от сосисок или от Джошуа.

Я посмотрела на еду и, смотря прямо ему в глаза, сказала:

— Отлично жаришь соской. СОСИСКИ!

Твою ж мать! Заткнись и ешь. Было видно, как все смутились. Ничего. Я и не такое ляпнуть могу.

Наколов еду на вилку, я быстро засунула полсосиски в рот и ОБОЖГЛА НАФИГ ВСЕ. Моя тарелка вместе с двумя сосисками и вилкой упала в воду. Рот горел так, будто я, ярая поклонница дезинфекции, залила в него бензин и подожгла.

Потребовалось некоторое время, чтобы оценить ситуацию. Джошуа уже выловил тарелку, а вот с сосисками была проблема. Из-за сильных пузырей их мотало по всему джакузи, и парень гонялся за ними, будто пытался поймать неуловимых рыбок.

— Я помогу. — Сгорая от стыда, я направились в центр джакузи, как вдруг поскользнулась на чем-то мягком и, падая на спину, ногой ударила по тарелке Дженни.

Та закричала от боли, потому что ее сосиски тоже были горячими и обожгли ей декольте.

Вода заполнила нос, отчего я закашляла, когда вынырнула.

— ПЭМ! Как можно быть такой неуклюжей?! — повысив голос, спросила та. Она пыталась сдерживаться.

— Извините, так неловко.

Я попыталась стряхнуть воду с лица и обнаружила на своих пальцах потекшую тушь. То есть сейчас я выглядела как заплаканная корова, идущая на бойню со своими телятами.

Люди, мне просто нельзя выходить из замкнутого пространства. Тогда все будут целы.

— Извините, — повторяла я, — у меня всегда так. Ходячая катастрофа.

— Да ничего, Пэм. Сейчас выловим сосиски, уберем их и съедим то, что осталось.

Джошуа был самой благородностью. Таких мужчин не бывает. Должен ведь быть в нем изъясн?

Подруга моя спокойствием не отличалась. Вообще она из тех педантичных людей, которые стараются все делать идеально. Если что-то идет не по плану, она раздражается и злится. Тебе повезло, что ты не родилась мной, деточка. Я бы на тебя посмотрела.

Вы не поверите, как я была счастлива, когда все начали рассказывать скучные истории о своей жизни. Слушала и завидовала. Неужели кто-то живет без унижительных приключений? Вот она — желанная серая жизнь. Конечно, я мечтаю, чтобы она протекала за дверьми моего фантастического дома с видом на море или океан.

У Дженни есть все шансы жить там, где я мечтаю. По всему Миссури находятся продуктовые магазины ее родителей.

— Кстати, — обратилась я к подруге, — с бизнесом у родителей все хорошо?

— О, да. Мама с папой открыли еще около сорока точек в нескольких штатах, так что все магазины в Миссури они передали мне. Полностью.

Если бы в реальной жизни челюсть падала до пола, как в мультиках, моя бы сейчас опустилась на дно джакузи, куда залилась бы вся вода, и я бы захлебнулась.

Да Дженни, походу, вертит миллионами. Ну или сколько приносят продуктовые магазины?

— Сколько же их у тебя? — спросила я, как в тумане.

— Двадцать три. Что с тобой, Пэм? Выглядишь так, будто собралась рожать.

Мне пришлось посмеяться через силу.

Вот же судьба у человека. Вся роскошь в жизни сама идет в руки. Почему ей повезло родиться в семье успешных бизнесменов, а мне повезло не умереть в приюте от отравления?

Настроение: биться ногой и страдать. Все, чего я хотела сейчас, — это прийти в свою комнату, лечь, обнять Джошуа (в идеале) и пытаться понять, где я согрешила.

— Все нормально. Если отойдут воды, вы узнаете об этом первыми. Что ж, я сегодня уже достаточно опозорилась перед вами. Давайте каждый расскажет, какие неловкие ситуации с ним случались?

Идея, конечно, была бредовая, но все же лучше, чем слушать, какая Дженни богатая и перспективная.

Первым вызвался Джошуа.

— О! Прямо сегодня произошло! — Он улыбнулся и ослепил своей улыбкой весь мир.

На фоне пролетающих мимо мыльных пузырей он выглядел еще желанней.

— Сегодня, когда заканчивался мой рабочий день, я должен был встать и уйти ровно в шесть часов. Но в эту минуту мой рабочий ноутбук решил, что ему надо проветрить себя изнутри. И я не мог из-за этого уйти. Ведь его надо было выключить.

Мы все засмеялись. Действительно неловко. Но, по крайней мере, он не опозорился на людях, как это постоянно случается со мной.

— Теперь ты, — сказал он мне. Даже и не знаю, какую именно историю выбрать. Я представила, как листаю огромный пятитомник своих неудач.

— Это случилось три дня назад. Я пришла поздно вечером домой и купила пельмени, чтобы сварить их утром. Положила, в общем, я их на стол и забыла про них. Наутро прихожу на кухню, а у меня в упаковке один огромный растаявший пельмень.

Наверно, никого не удивило, что моя история связана с едой.

Приятно, потому что все посмеялись над моей историей. Теперь была очередь Дженни. Она спрятала свое лицо за ладонями. Интересно.

— Сегодня в банке я общалась с менеджером, и вместо слова «сбережения» я сказала «отложения». Так глупо себя почувствовала, что сказала: «Извините, у меня срочные дела» и ушла оттуда красная, как рак.

— Да ладно тебе, не страшно, — поддерживал ее красавчик.

Эй, я думала, он будет сочувствовать только мне.

— Ладно, моя очередь.

Пока Джошуа настраивался, я осторожно ела сосиску, пытаясь прожевывать тщательно, чтобы не подавиться и не умереть прямо у него на глазах.

— Было, когда я ездил в Нью-Йорк. Спустился в метро, прикладываю проездной к турникету, загорается зеленый свет, а двери не открываются. Я приложил снова, но было написано: «Задержка. Время ожидания 15 минут».

Забавно. Я могла смотреть на него вечно, и неважно, что он там говорит. Когда я поняла, что выгляжу романтично настроенной, я попыталась сделать безмятежный вид, но, скорее всего, выглядело так, будто я справляю нужду в джакузи.

И все же Джошуа выглядел потрясюще. Я уже говорила, какая у него накачанная грудь? Так и хотелось потыкать в нее пальцем, чтобы понять, насколько тот глубоко может зайти в нее.

Что сейчас сказала? Из-за перепадов настроения мне стало некомфортно. Парень выбивал меня из колеи. Теперь я хочу остаться наедине с подругой, которая странно себя ведет. Или мне показалось? Зачем она меня подначивала?

Может, у нее «эти» дни? У меня, кстати, тоже скоро те самые дни. Нужно постараться держаться от людей подальше, чтобы кого-нибудь случайно не задушить фальшивым животом. В такие дни моя неуклюжесть в разы возрастает, а это значит, не поздоровится всем.

Я фальшиво улыбнулась, будто не вспоминала секунду назад, как однажды сделала розочку из бутылки и угрожала бывшему парню разделиться с его мордашкой, если он не оставит меня в покое.

Не характер, а золото просто. Самой дешевой пробы с примесью алюминия для веса.

Мы просидели так еще около часа, болтая о разном. Я то и дело мечтала вгрызться зубами в шею подруги или представляла, как ношу ребенка от Джошуа, и мы дико счастливы.

Незадолго до того, как он ушел, я вспомнила, что у меня нет его номера телефона или страницы в фейсбуке.

— Какая у тебя фамилия? — спросила я ненавязчиво, будто уже через минуту забуду эту информацию.

— Смит. Очень распространенная фамилия, — с сожалением признался он.

Зато я никогда ее не забуду теперь. И все же я повторила про себя раз сто, чтобы точно запомнить.

Как раз-таки из-за того, что фамилия нередкая, искать Джошуа придется долго. Черт! Я буду выглядеть как сумасшедшая фанатка, когда напишу ему. Первое сообщение должно выглядеть так:

«Привет. Это Памела. Я посмотрела тринадцать тысяч анкет с твоими инициалами, прежде чем нашла тебя. Так когда мы идем венчаться? Надо еще гостей пригласить в количестве одного человека. Ну ты знаешь, та самая непримечательная Дженни, что уронила все свои сосиски в джакузи».

Вот черт! Походу, я втюрилась в парня, который никогда не ответит мне взаимностью. Потому что я — это я.

Глава пятая

— Пэм, доброе утро. Мне надо кое-что взять, открой, — Дженни постучала несколько раз в дверь ванной комнаты, где я чистила зубы БЕЗ РЕБЕНКА.

Я просто решила оставить свою беременность на кровати, пока привожу себя в порядок. Наверно, мечта любой будущей матери.

Шокированная ее неожиданным визитом, я проглотила немного мятной пасты и закашлялась.

— Минуту, — крикнула я, одновременно отхаркиваясь и пытаюсь открыть слипшиеся спросонья глаза, — утренняя тошнота.

Она вообще бывает на седьмом месяце беременности или поведение плода — очередная аномалия моей жизни?

Никогда бы не подумала, что беременность может обернуться самым большим проклятием. Мне теперь даже в туалет нельзя сходить без накладного живота?

— Я очень тороплюсь, Пэм. Мне всего на секунду, открой. Обещаю, не буду смотреть.

С распахнутыми руками я была похожа на вратаря, мечущегося из стороны в сторону. Что делать? Когда я открыла нараспашку окно, мне показалось неплохой идеей выпрыгнуть на улицу, но какой смысл?

Оставалось только одно: открыв шкафчик, я нашла кучу полотенец. Отлично!

— Как можно быть такой идиоткой? — прошептала я себе и напихала под халат все полотенца, что там были.

Когда я открыла дверь, Дженни неловко зашла в ванну, взяла необходимое и вышла, погладив мой живот с ласковыми словами.

— Доброе утро, малыш. Не мучай мамку.

Просто потрясающее начало нового дня. Вернувшись в комнату эмоционально выжатой, я плюхнулась на кровать лицом в подушку. Надо подходить более ответственно к роли, если уж собралась ее играть. Пожалуй, нужно сходить в магазин и прикупить парочку журналов для будущих матерей. А то я даже не знаю никаких признаков беременности, кроме тошноты и распухших ног. Со вторым проблем не имею, из-за полноты они всегда большие, словно я ношу тройню.

Дженни уже почти выходила из дома, когда я зашла на кухню.

— Надеюсь, на завтрак не сосиски со дна джакузи? — Я решила разбавить неловкость своего присутствия воспоминанием о вчерашней катастрофе.

Мне действительно было неловко стеснять подругу. Наверняка она привыкла ходить по утрам голышом и распевать ужасным голосом попсовые песни. А тут неуклюжая соседка на сносях и новые правила.

Подруга засмеялась, показав ряд белоснежных зубов. Как я вчера не заметила? Из-за темноты, наверно. Мне казалось, раньше ее зубы были под цвет такси.

— Да, неловкая ситуация. Пришлось наносить крем от ожогов перед сном. — Она достала ключи из сумочки, готовая уходить. — Я вернусь через пару часов. Если захочешь выйти из дома, твои ключи над комодом у входа. На завтрак все, что найдешь в холодильнике. Чувствуй себя как дома, не стесняйся.

— Спасибо большое, что спасла меня от жизни в домике на дереве. — Мой внутренний клоун никогда не уgomонится? Почему я всегда пытаюсь пошутить?

Дженни обняла меня на секунду и посмотрела самым внушающим доверие взглядом.

— Ты можешь довериться мне, Пэм. Я всегда тебя поддержу. Ты же знаешь, у нас нет секретов.

Почувствовав себя последней мразью, я с-улыбкой-самая-святая-на-планете проводила подругу до двери.

Отлично, есть как минимум два часа, чтобы походить без второго живота. У меня уже все пузо исчезало из-за него. Господи, если я сейчас разнылась, как плаксивая соплячка из третьего класса, то каково настоящим беременным девушкам? А вдруг не все так плохо? Многие женщины говорят, что беременность — это самое лучшее, что с ними случалось. Да что вы говорите? Самое лучшее, что случалось со мной, — это восемь роллов «Филадельфия» в подарок к заказу.

Мое первое и последнее везение в жизни.

Хотя вру. Побег из казино тоже считается везением. Пусть и мне помогла Памела-супер-грудь. Я не раз слышала, как мужчины называют ее «Чудо-женщиной». Серьезно? А ничего, что ее силикон тычет вам прямо в глаза, мужики? Называйте ее просто «Чудо-пластика». Сво-лочи. Я тоже не дурна собой, ясно вам?!

Ой. Опять приступ зависти и злости. Нужно успокоить в себе Халка и пойти, наконец, завтракать. Боже, спасибо тебе, что не оставляешь меня в беде.

Сейчас я уже не исхожу слюной, поэтому признаюсь: дом Дженни просто мечта. Очень светлый, уютный, красивая мебель. Выглядит не слишком пафосно, скорее просто, но со вкусом. Я бы здесь жила до конца жизни. Но с видом на море, как я уже говорила.

Жаль, не удастся тут задержаться подольше. Как только подойдет срок рожать, придется валить в другой город, где я даже не знаю, чем буду заниматься. Снова становиться мошенницей? Очень опасно и чревато последствиями.

Несколько лет подряд я спрашиваю себя: Пэм, чем ты хочешь заниматься в жизни? Но, увы, нельзя зарабатывать деньги, ничего не делая. Ненавижу ощущение полной неизвестности.

Попытавшись отогнать мысли-полной-лузерши, я открыла ключницу. Тут было много-много ключей, но один из них мне так понравился, что я взяла его в руку. На нем висел странный кожаный брелок с торчащими иголками. В карман такой не положишь, но мне стало любопытно, какую дверь открывает подобный ключ.

Неужели у моей подруги есть страшная комната пыток? Блин, если она маньячка, то придется сегодня же вернуться в домик на дереве и рассказать все Тому, чтобы у меня был свидетель.

На изучение дома ушло не так много времени. Я особо рассматривала комнаты, так как основная цель заключалась в другом. Страшный ключ не подходил ни к одной двери. Тогда я вернулась на кухню, сделала огромный сэндвич в лаваше и пошла искать дальше.

Слишком много майонеза.

Как я сразу не догадалась спуститься в подвал? В него вела длинная лестница, спускаясь по которой я уронила ключ, который чуть не улетел в щель между ступенями. Не хватало еще, чтобы он потерялся.

У дальней стены образовалась большая лужа из-за протекающей трубы. Надо будет написать об этом Дженни, когда поднимусь наверх.

Ключ подошел к одной-единственной двери. Когда я открыла ее, у меня упала челюсть. Вот тебе и пятьдесят оттенков хорошенькой девочки. Мне стало так интересно! Так как сейчас у меня горят глаза, только когда я вижу в украденном кошельке минимум тысячу долларов.

— Офигеть! Тут даже секс-качели есть!

Не поверите и скажете, я совсем чокнутая, но я даже в музее с таким интересом не смотрю ни на что, как на качели Дженни.

— Да уж, подруга. Девочка выросла и качельки поменялись.

Знатно откусив большой кусок от сэндвича, я залезла в них. Надеюсь, мой вес они выдержат?

Я улеглась, как нужно (вроде), закинув ноги в специальное отверстие и продолжая жевать. Почти гамак. Только вид более впечатляющий. На стенах висели разнообразные плетки, откровенные шокирующие костюмы, наручники, палки. Каких-то вещей я просто не поняла. Что с ними делать?

От скуки я начала раскачивать качели. Только бы тут не уснуть.

Да уж, Дженни, удивила. Говоришь, у нас нет секретов?

— Эм, Памела?

ЧТО? Я так испугалась чужого голоса, что завертелась в секс-качелях, как желе. Кому он принадлежал, я не видела за своим животом и огромным капающим на меня майонезом сэндвичем.

И как вы думаете, что могло случиться? Нет, меня не изнасиловали, пока я пыталась выбраться. Цепь сорвалась с потолка, и я рухнула на бетонный пол вместе с качелями.

Будь я проклята! Почему?

— О Боже, ты не ушиблась?

Когда ко мне кто-то подбежал, я пригрозила ему сэндвичем. Передо мной стоял человек, которого я хотела увидеть больше всего на свете, но только не СЕЙЧАС!

— Джошуа! Я... Не знаю, что и сказать.

И так все видно: толстое, жующее создание развлекало себя в комнате наслаждений, поглощая самый большой в мире бутерброд в лаваше.

— Нигде не болит? — спросил он, помогая подняться.

— Еще нет, — ответила я, увидев палку для битья по заду. — Черт! Дженни меня убьет. Ты как в дом зашел вообще? И зачем?

— Дверь была не заперта, — сказал Джошуа, после чего я в очередной раз убедилась, что мой ай-кью равен минус тысяче.

С таким же успехом я могла бы просто открыть дверь нараспашку и кричать: «Заходите, берите что хотите, у нас много ценных вещей».

— Дженни утром позвонила, попросила починить протекающую трубу в подвале. Она не сказала, что зайду?

— Она торопилась. Видимо, забыла. Черт! Если она узнает, что я тут была, она меня прикончит. Да и вообще, похоже, что эта комната ее тайна, и если она увидит сломанные секс-качели, она просто уничтожит меня газонокосилкой.

— Ого, какая бурная фантазия. — Ого, я впечатлила красавчика.

— Да, а мне однажды приснился сон, где мне сказали, будто фантазии у меня нет.

По взгляду Джошуа было понятно, что я снова веду себя неадекватно. «Неадекватно» — мое второе имя.

Лучше говорить поменьше, Пэм.

— Походу, тебе нужна будет помощь. — Звучало как предложение. Он оценил масштаб работы, посмотрев на потолок и механизм качелей.

— Серьезно? — Я просто офигела от восторга. Вот он — принц на белом коне и в груди мышц. — Ты сможешь скрыть улики, потому что не хочешь, чтобы я умерла страшной смертью?

И снова взгляд «ты вообще ненормальная?».

— Извини, у меня очень странный юмор. — Не скажу ведь я «Возможно, я представляю угрозу человечеству своим существованием»?

— Ничего. Я еще не привык, но мне нравится.

Я только что оказалась в параллельной вселенной, где кому-то нравится как-шутит-Пэм? Да ну, бред. Ему что-то от меня нужно наверняка. И явно не секс.

— Сколько у нас времени?

— Она сказала, вернется через пару часов. А это весьма расплывчато. Придумала! Постараюсь вести с ней переписку. Если она поедет домой, скорее всего, напишет об этом.

— Хорошая идея! — оценил будущий-муж-и-отец-моих-детей. — Эту деталь не починить, придется купить новую. Справишься? Я пока почию протекающую трубу и приберусь тут.

— Где мне ее взять? В обычном магазине такое не продается. — Внутреннее чутье подсказывало мне: все закончится газонокосилкой.

Джошуа задумался, начав ходить туда-сюда. Он выглядел со стороны так, будто позировал для модного мужского журнала. Только не специально. Он же не виноват, что выглядит, как тот-кого-я-хочу-видеть-рядом-с-собой-всю-жизнь.

— Может, лучше я займусь трубой? Ну там, лентой обмотаю или что там делают обычно с трубами? ТРУБАМИ!

— Плохая идея. Вспомнил. Самый большой магазин для взрослых рядом за телевизионной башней. Знаешь, где она?

Сложно забыть место, где пять лет назад за тобой гнался Хагрид с предсказаниями. До сих пор та женщина снится в страшных кошмарах. А вот фотка с ней ржачная получилась. Я ее даже распечатала.

Договорившись, что я вернусь через полчаса, я кинулась одеваться. Леггинсы + толстовка с изображением Микки Мауса = я самая прекрасная.

Если бы я не посмотрела в зеркало, то пошла бы на улицу с перекрутившимся набок животом. Зуб даю, нашлась бы сумасшедшая, что начала бы кричать на всю улицу, что мне нужна срочная госпитализация. К счастью, сегодня я очень предусмотрительная.

Я вышла из дома на нервах и попыталась успокоиться, иначе начну потеть. Ненавижу выглядеть, как будто только что пыталась утопиться в озере, но не хватило духа.

В автобусе я рассматривала фотографию детали от качелей, которую я сделала перед выходом. А также втайне сделанную фотографию Джошуа. Красавец.

На следующей остановке зашла старушка Мэгги. В другой ситуации я бы сразу накинулась на нее с вопросами о родителях, но я боюсь, что случится какая-нибудь нелепость. Я уже вижу, как, увидев меня, она бежит к водителю, умоляет его остановиться, но тот не слушает, и она крутит его руль в сторону, и мы врезаемся в столб.

Голосуем: подходить к Мэгги или прожить все-таки еще один день?

Как назло она еще села к окну, и рядом с ней пустое место. Дьяволенок на моем плече шепчет подойти.

Стоп! Надо отвлечься.

И я написала смску Дженни:

Я: Привет, подруга. Жаль, что так быстро ушла. Уже скучаю. Какие планы у нас?

Самый быстрый ответ в моей жизни.

Дженни: Приветик. Да, бывают загруженные дни. Но мы успеем повеселиться. Чем занята?

«Еду чинить твои секс-качели в комнате унижений»

Я: Вышла подышать свежим воздухом. Еду в автобусе с Мэгги. Не подхожу к ней, потому что уверена, она выйдет отсюда на полном ходу, только чтобы со мной не говорить)))

Постараюсь насмешить подругу, вдруг в хорошем настроении она решит оставить меня просто инвалидом, а не убивать, замучив розгами.

Дженни: Ахахаха! Уверена, если бы не ребенок, ты бы рискнула подойти к ней.

Господи, обязательно напоминать, что я самая худшая подруга-обманщица из всех людей на свете?

Я: Не знаю почему, но в данной ситуации я больше волнуюсь за Мэгги.

Дженни: Я знаю почему.

На целых пять секунд мое сердце остановилось. Неужели она знает про обман? И когда она собиралась мне рассказать? Поздно вечером, отведя в камеру пыток?

Дженни: Ты всегда заботилась больше о здоровье чужих людей, попавших в твою зону невезения)

Фух! Чуть прям здесь не родила. Подруга говорила правду. Я давно смирилась с тем, что у меня две ноги левые, и чаще всего я боюсь за тех, кто рядом.

Вполне возможно, если бы я не лезла куда не надо, со мной бы не случались все эти неловкие моменты. К примеру, сегодня: не пойдя я в ту комнату, качели бы не упали.

Дженни: Я не имела в виду, что ты неудачница)))

Я: Да я поняла. Должна же быть у меня своя фишка. Памела-Катастрофела. Неплохой бы вышел супергерой.

Дженни: Ты должна запатентовать эту гениальную идею!!!

Что я сейчас должна, так это готовить побег из страны, если не почию твою игрушку. Как я теперь вообще буду с ней нормально общаться после такого и не иметь возможности постебаться? Самая настоящая пытка. О, да, Дженни любит пытки...

Я: Обязательно. Куда направляешься?

Надеюсь, она встанет в дикую пробку. Прости, подруга, но это для твоего же блага.

Дженни: Скучная деловая встреча. Молюсь, чтобы все прошло быстро.

А я думала, ты любишь помучить людей прежде чем добьешься своего. Вот видите! И как мне теперь не прикалываться над ней? Это же шутки века!

Мой автобус подъехал к нужной остановке, и как только я увидела медленно поднимающуюся попу Мэгги, мое чутье почувствовало надвигающуюся бурю. Совпадение не из приятных. Очень надеюсь, ты не идешь в магазин для взрослых, бабуля.

Выходила она последней, и чтобы не попасться ей на глаза, я встала с сиденья в самый последний момент. Водитель закрыл двери, когда я только к ним подошла.

— Раньше не могла выйти? — сказал он мне недовольно.

— Кажется, у меня отошли воды на одном из ваших сидений, — ответила я самым милым голосом, который только могла воспроизвести.

Странно, но в моменты, когда люди начинают мне откровенно хамить, во мне включается самая грубая баба в мире. И с ней лучше не связываться. Помните, как в самолете я в одно мгновение перестала бояться ребенка сатаны? Страх просто отключился, и я готова была выбросить того рыжего в окно. Ой! Совсем грубо.

Магазин для взрослых был действительно большим. На его месте раньше стояла городская библиотека. Вот тебе и смена жизненных ценностей. Как люди допустили это? Давайте теперь вместо статуй знаменитых людей поставим распутных женщин. Чем больше у людей развязаны руки, тем сильнее они портят мир вокруг себя.

В магазине меня встретили удивленные взгляды консультантов. Я удивлена не меньше, увидев вас, работающих в сфере смазок и дилдо. Кто из нас более ненормальный: беременная скромная женщина с Микки Маусом на толстовке или только что поступившие в колледж сопляки?

Ответ очевиден.

Я подошла к одному из них:

— Здравствуйте. У меня сломались секс-качели, и мне нужна вот эта деталь. — Показывая фото, я вдруг поняла, что сказала это как беременная женщина, использующая секс-качели!

Ну и позор. Хочется действительно собрать вещи и переехать в соседний город. Получится всего на один день, ведь я, безусловно, опозорюсь и там. И поеду дальше. Можно даже вещи не распаковывать.

— Кажется, на складе я ее видел. Подождите пару минут.

Консультант ушел, а я решила пройтись.

Я в шоке. Даже не думала, что существует такой огромный выбор смазок. Тут стояло штук сто — не меньше. Просто жуть и мерзость.

От вида коробок с надувными секс-куклами мне захотелось смеяться. Какие же мужики все-таки извращенцы. Готовы заниматься любовью с резиновой женщиной. Гадость.

Тут же я увидела кольца для их гениталий. Зачем? Фу.

И вот иду я вся такая безмятежная, чувствуя, как поднимается настроение, как вдруг вижу Дженни, стоящую у стенда с эротичным нижним бельем. За ней стояла небольшая корзинка на колесиках.

СПАСИТЕ МЕНЯ, УМОЛЯЮ.

Я кинулась за ближайшую стойку со стоящими в ряд мужскими пенисами разных размеров. Как неловко.

Деловая встреча у нее!

Что Дженни еще тут понадобилось? Судя по ее тайной комнате, ей уже можно открывать собственный магазин! Я ушла в другую часть секс-шопа и попыталась выследить Дженни оттуда, но она пропала с радаров. Наверно, стоит за одной из стоек.

Где чертов консультант? Так сложно найти одну деталь? Или его привлекла одна из секс-кукол на складе?

Уходить было нельзя! Но и попадаться на глаза лучшей подруге тоже. Если она меня увидит, что я ей скажу? Пришла сюда познавать мир страсти и приключений? ЧЕРТ! Ее величество садомазо оказалась недалеко от меня. Если бы она подняла глаза, то мы бы встретились взглядом.

Боже, если ты и правда существуешь, сделай так, чтобы мы не встретились. В смысле, с Дженни, а не с тобой.

Вдруг я придумала, где можно спрятаться. В раздевалке! Прокравшись к стене с костюмами для ролевых игр, я взяла первый попавшийся наряд и бросилась в раздевалку, почувствовав, как капли пота потекли по спине.

Теперь я была в безопасности. Шли минуты, я даже успокоилась и решила выглянуть на секунду посмотреть, не ушла ли подруга.

Дженни крутила в руках огромную резиновую руку.

Меня сейчас стошнит. Для чего ей третья рука?

Я выглянула снова и увидела, как подруга усиленно пронзает третьей рукой воздух.

Вернув свое лицо обратно с широко раскрытыми глазами, я поняла, как используется третья рука.

Окей. Пока я здесь, нужно что-нибудь поделать. На вешалке висел костюм пастушки с пышной юбкой, как у балерины практически. Ну, окей. Поржем хотя бы. Я разделась до трусов,

натянула пышную юбку, и в этот момент шторка раскрылась на всю ширину. Какая-то клуша, проходя мимо, зацепилась за торчащий из ее корзинки предмет, и теперь на меня смотрели три девушки. Одна из них была Дженни, но она стояла спиной и не видела меня.

Я поспешила быстро закрыть шторку.

— Твою ж мать! Да сколько можно? — Это был просто крик души.

Я стояла в одной юбке, лифчике и с накладным животом.

— Пэм? Это ты?

Услышав голос Дженни, я была готова пробить собой стену, только бы убежать отсюда нафиг!

— Эм, нет. Я кто-то другой.

Шторка открылась, а за ней стояла Дженни. Ее удивленная улыбка сменилась шоком, когда она увидела меня, прижавшуюся к зеркалу с накладным животом и в пышной уродливой юбке.

— Приветик, — проскулила я, как собака.

— Вот ты и спалилась.

Глава шестая

— У тебя идет кровь, Пэм! — ужаснулась Дженни, шокированная не меньше меня. — На помощь, консультант! Да сними ты этот живот, наконец!

Я растерянно смотрела на подругу, пытаюсь проанализировать ее реакцию. Подумаешь, у меня где-то течет кровь... Легкая протечка. Тут дела поинтереснее есть.

Она взяла мою руку и начала осматривать локоть. Теперь я тоже увидела растекающееся пятно. Видимо, я ударилась локтем о зеркало, когда пыталась просочиться сквозь стену.

Открою ужасный секрет: локти — моя больная тема детства. Если играет музыка и я начинаю танцевать, движения напоминают взмахи куриных крыльев. В клубах я не раз давала ими кому-нибудь по носу или подбородку. До сегодняшнего дня на моих локтях была только чужая кровь.

Дженни помогла снять накладной живот, при этом создавалось впечатление, будто его присутствие на мне — совершенно обычная вещь. Так, стильный элемент, как цепочка или браслет. Модная тенденция носить пять килограммов на животе. А что? Люди же носят рюкзаки...

Подбежал мужчина среднего возраста и начал обрабатывать рану. Я испытывала чертовски сильную боль, но панику перекрывало волнение за нашу дружбу. Но с каждой секундой ноющая боль становилась сильнее из-за обеззараживающего средства. Если бы не оно, я бы сто процентов подхватила инфекцию. Я же везучая. Как с таким везением в меня до сих пор не ударила молния?

— За тобой нужен глаз да глаз, — сказала она взволнованно. — Будь я твоей матерью, заперла бы дома, чтобы ты сама себе не навредила.

Ее телефон вдруг зазвонил, и Дженни отошла в сторону. А это значит, что у меня появился шанс купить деталь для секс-качелей, хотя святой притворяться уже не получится. Пусть подруга уже знает про мою ложную беременность, но про катастрофу дома еще не в курсе.

Моя жизнь все еще висит на секущемся волоске старой бабки и вот-вот оборвется. Одной ногой в земле. Надо проследить, чтобы она поехала по делам, но только не обратно домой. Блин, что за глупости. Как я прослежу? Скажу: «Езжай куда угодно, только домой не надо! Мы с Джошуа играем с твоими игрушками».

В той же примерочной я вернула на место живот. Не носить же его в руках? С таким же успехом можно идти по улице с большим плакатом с написанным признанием во лжи. Терпеть не могу, когда руки заняты всякими пакетами, сумками. Если в них не пачки денег, конечно. Тут я и сто килограммов поташу, если предвидится возможность.

На кассе оказалось, что на моей карте закончились деньги. Дженни уже шла ко мне, недоверчиво пронзая глазами мою беременность. К счастью, у меня были с собой наличные. Так что я все успела сделать без палева. Сейчас удача улыбнулась мне, а это значит, что через пять минут меня, возможно, собьет машина или обгадит голубь. Если бы передо мной встал выбор, даже не знаю...

Содержимое своей корзинки Дженни скрыла, положив сверху несколько нарядов. Интересно, прокомментирует ли она свои покупки и нахождение в магазине для взрослых.

— Что купила? — спросила она, смотря хитрым испытывающим взглядом.

— Интимное мыло. — Первое, что пришло в голову.

— Отлично, у меня как раз оно закончилось сегодня.

Черт! Теперь действительно придется покупать еще и мыло.

— Подожди меня на улице, хорошо? — Подруга спроваживала меня, дабы скрыть покупки.

Дженни изменилась за пять лет. В отличие от меня. Она стала более уверенной, раскованной. Игрушки вон покупает для богатой интимной жизни. Очень надеюсь, что мы продолжим дружить. Ведь нередко случается, когда спустя время люди меняются настолько, что не могут больше друг с другом общаться. Нормально ли это?

Часто я путаюсь в правильности своих поступков и выводов. Всегда есть другое мнение и взгляд со стороны. Раньше я не задумывалась об этом и просто делала, что хотела, была эгоисткой, настаивала на своем. Потом, видимо, в голове переключилось, и вдруг озабочилась сторонним мнением.

Мы становимся хорошими людьми, когда начинаем заботиться о других, а не только о себе.

Знаю, получилась полная каша, но, поверьте, я не из тех грамотеев, что выражают мысли правильно, с умом и расстановкой. Если бы не Т9 в телефоне, вы бы подумали, что переписываетесь с ребенком.

Дженни вышла из магазина с черными пакетами в руках.

— Пошли, я положу пакеты в багажник.

— Я не совсем поняла твою реакцию на... сама понимаешь. — Что уж оттягивать кота за хвост. Надо сразу со всем разобраться. Глядишь, она скажет, чтобы к ее приезду меня уже не было в ее доме.

— Помнишь, вчера, когда ты переодевалась перед походом в джакузи, я зашла к тебе в комнату?

Интересный поворот.

— Помню. И что?

— Твой фальшивый живот в это время лежал на кровати. Я решила умолчать, чтобы посмотреть, как долго ты будешь играть в эту нелепую игру. А сегодня утром я зашла к тебе, чтобы позвать завтракать, но ты была в ванне. А твой живот опять-таки на кровати. Дважды! Ты спалилась дважды, Пэм. Я опять ничего не сказала, потому что это так забавляло меня. Я даже пошла к тебе в ванну под предлогом что-то срочно взять. Было безумно любопытно, как ты выкрутишься.

Дженни не переставала удивлять. Та Дженни, которую я знаю, не стала бы притворяться. Она бы закатила скандал, обиделась и не разговаривала бы со мной месяц. Я абсолютно не знаю новую Дженни. И это пугало. Чем еще она собирается меня удивить?

— Ты не сказала Джошуа? — Если он в курсе, я просто сейчас пойду через дорогу с закрытыми глазами.

— Он думает, все правда. Но негодует, где отец.

— Не говори ему, пожалуйста. Если он узнает, что я прикидываюсь беременной, то точно вызовет психушку.

— А с чего тебе так важно его мнение? Влюбилась?

Какие страшные слова! Я дала себе слово не влюбляться до тех пор, пока не налажу жизнь. А до стабильности в ней как до пустыни ползком. Пора идти через дорогу. И всем бедам конец. Вы не думайте, я абсолютно не склонна к суициду. Просто люблю в некоторых местах преувеличивать для смеха.

Мы подошли к ее машине, и она принялась убирать пакеты в багажник. Почему я не вызвалась помочь донести хотя бы один из них? Эгоистка.

— Нет! — Голос дрожал так, будто я пародировала мычание козы. Предатель! — Так и что дальше?

— А что дальше? — удивилась та, подняв идеальные брови. Черт, не лень же ей поддерживать себя в лучшем виде? Я тоже как-то пыталась включить в себе кнопку я-самая-идеальная-помпушка-на-свете, но через месяц сдалась и на радостях, что снова могу лениться, запустила себя больше прежнего.

— Ну, ты меня не выгонишь? — Я занервничала и почувствовала режущую боль в локте. Похоже, порез серьезный.

— Ой, перестань! Неприятно, конечно, что ты меня обманула, и непонятно зачем, но ты всегда была чудачкой. Я уже привыкла к твоим выходкам.

Лучше тебе не знать, что я просто хотела воспользоваться халявными удобствами твоего милого дома.

Моя маленькая Дженни стала слишком взрослой и рассудительной. Почему одна я реагирую на все в жизни супернеадекватно? Разбиваю локоть в примерочной, пускаю слюни на парня, который никогда со мной не будет и даже не притронется, стреляю в женщин из детского ружья... Нет, ну последнее более-менее норм, я не просила гнаться за мной со всякими предсказаниями.

У меня явно не все дома. Ку-ку. Психичку заказывали? Очень опасна и непривлекательна.

Подруга поехала по делам, а я вернулась в магазин для взрослых за интимным мылом. РАЗУМЕЕТСЯ, у кассира были проблемы со сдачей, и мне выдали пятнадцать долларов по двадцать пять центов. Отлично. До автобуса я шла с прозрачным целлофановым пакетом, набитым мелочью, и я выглядела с этим тяжеленным мешочком так, будто полдня собирала монеты со дна фонтана.

Зная свой уровень везения, я придерживала пакет, чтобы тот не порвался. Не хватало еще собирать деньги по всей улице. Слишком унижительно и так на меня похоже.

В следующую секунду со мной случилось сразу несколько вещей. На парковке остановилась шикарная машина, и оттуда вышла та самая женщина-Хагрид. Она увидела меня и медленно сняла солнцезащитные очки. Дальше я уже была сама не своя.

Одновременно пришло две смски.

Первая:

Банк: Ваш баланс пополнен на 1000 долларов.

Вторая:

Скрытый номер: Хочешь еще две тысячи? Тогда у меня для тебя есть задание, Памела Честерфилд.

Я кинулась в подходящий автобус в надежде сбежать от женщины-великанши. Не хватало еще повторения той погони на ярмарке. К моему величайшему счастью, она не погналась за мной на своей дорогой тачке.

Она все еще здесь живет? Офигеть. Теперь придется постоянно оглядываться, чтобы не наткнуться на нее. Нет абсолютно никакого желания сталкиваться с ведьмой.

Вернувшись к смскам, я впала в ступор. Зачем кому-то кидать мне такие большие деньги? Я зашла в приложение банка, чтобы убедиться, что деньги действительно на счету. Так и было. Очень странно.

Я: Кто вы такой? Откуда знаете меня?

Скрытый номер: Я давно следил за твоей сферой деятельности в Лас-Вегасе. Ты весьма находчивая. Хочу предложить тебе работу. Ты кое-что крадешь для меня — я хорошо плачу. Мелкий антиквариат.

Меня трясло от страха. Да еще этот локоть, чтоб его! Вдруг подстава?

Еще две СМС.

Банк: Ваш баланс пополнен на 1000 долларов.

Скрытый номер: Еще немного для мотивации. Твой объект находится по адресу: Крэствуд-стрит, 29. Найти вазу, вернуться домой и ждать курьера. Передать вазу ему. Если согласна, я устрою так, чтобы тебя ждали в доме в качестве уборщицы. Явиться в дом нужно к 7 вечера. Ты получишь копию вазы и просто подменишь ее. Согласна?

Просто жест. Я теперь что, персонаж фильма «Ангелы Чарли»? Только толстая, не умею соблазнять и дерусь, как пятилетняя слепая девочка.

Внутри меня загорелось знакомое чувство. Та самая мигалка, вызывающая во мне страсть к адреналину и опасности.

Скрытый номер: Решение нужно принять сейчас.

Я: Согласна.

Скрытый номер: Когда позвонят в дверь, не задавай вопросов курьеру. Он ничего не знает.

Внутри меня все съезжилось от страха. Я еще никогда не работала на кого-то. К тому же я всегда опасалась играть по-крупному.

Скрытый номер: С тобой в паре будет работать еще один человек. Вы должны встретиться у башни с часами в половине седьмого и вместе отправиться на дело. Ты узнаешь его по форме рабочего. И, кстати, не забудь надеть живот.

Теперь я еще больше в ужасе. Работать с кем-то в паре? Просто дикость. Не люблю новые знакомства, которые к тому же связаны с воровством. Черт!

Но от таких денег отказаться сложно. Выйдя из автобуса, я дошла до банкомата и сняла свои новенькие, хрустящие две тысячи долларов. На всякий случай. Вдруг этот неизвестный имеет доступ к данным моей карты и запросто выведет все деньги...

Когда я уходила из дома Дженни, оказывается, я забыла ключи. А также оставила дом открытым. Полоумная девчонка. Куда подевался инстинкт самосохранения?

Джошуа уже починил трубу и пил чай на кухне. Он был напряжен. Как думаете, будет слишком нелепо, если я предложу снять напряжение массажем? Представляю, в какую дыру он меня пошлет.

— Ты наконец пришла. Я уже заволновался.

— Как всегда, со мной случилось нечто непредвиденное. Встретила Дженни. Прямо в магазине для извращенцев.

— Что с твоей рукой? — Он испуганно подошел ко мне и взял ее в свою. — Поранилась?

И я рассказала, как шарахалась от подружки по всему магазину, пока она не нашла меня в примерочной. О фальшивом животе я не упомянула.

Джошуа раздобыл стремянку и принялся чинить секс-качели, пока я пускала на его руки слюну. Такого мужика я бы отшлепала всем, что тут есть.

— Расскажи, чем ты вообще занимаешься. — Хотелось, чтобы голос звучал легко и непринужденно, будто я самое милое создание на свете, но вышло так, будто последние пять лет жизни меня пытали электрическим шоком.

— Ну, вообще я разнорабочий. В каком-то смысле муж на час.

— Ха-ха, и каков прайс на твои услуги? Сто долларов? — Мне показалось, использовать данную шутку уместно, особенно в комнате пыток. Но Джошуа посмотрел на меня, как на конченную идиотку.

Блин, если ему непонятно мое чувство юмора, у нас точно ничего не выйдет. Хотя... Учитывая, что ему дала природа и что мне, — у меня ни единого шанса.

Учитывая, что у меня в кошельке появилось две тысячи долларов, я бы заплатила ему сто баксов прямо сейчас и даже не постеснялась бы использовать секс-качели лучшей подруги.

Воображение начало бурно работать, и мне снова пришлось заставить себя напомнить, что с таким мамонтом, как я, согласятся переспать далеко не за сотню долларов.

— Зависит от объема работы, — ответил он.

С моими объемами я бы разорилась, объявила себя банкротом и присоединилась к группе бомжей-отшельников, чья жизнь висит на волоске каждый божий день. Хотя стойте. Нет. Я же мошенница. Доберусь до первого же казино, и я снова в седле.

— Почему ты раньше не приезжал к Мэгги? — Тот факт, что они со старушкой родственники, до сих пор меня удивляет.

— Приезжал. Ненадолго. Просто не попадались друг другу на глаза. Поэтому ты тоже для меня незнакомка.

— Я готова максимально близко с тобой познакомиться.

— В смысле? — Джошуа растерянно смотрел на меня так, будто я его домогаюсь.

— Я что, сказала это вслух? — Слабо за секунду сменить цвет кожи на красный? Мне не слабо. Я так часто меняю окрас, что позавидовал бы любой хамелеон. — Черт! Извини. Я не хотела тебя раздеть. **ТО ЕСТЬ, СМУТИТЬ!** Знаешь что, пожалуй, я пойду наверх.

И вырву себе язык, как вырывают молочные зубы, привязывая их ниткой к двери. Кстати, уверена, данный способ избавления от шатающихся детских зубов придумали мужчины. При чем глупые или даже больные на всю голову.

— Ничего страшного. Бывает. Останься.

Особь мужского пола сказала мне «остаться». Никогда такого не слышала. Максимум, что предлагал мне парень, — это вызвать такси посреди ночи. Стереть-из-памяти.

Окей.

— Девушки, наверно, постоянно смотрят на тебя, как на мужчину мечты, — плаксиво сказала я, как самая преданная его фанатка, готовая сделать любую глупость, только бы порадовать его.

Может, я замолчу уже?

— Скорее, как на мясо. Часто, когда я прихожу починить кран к замужним женщинам, они пытаются меня соблазнить. Ходят по дому в одном халате, оголив плечо, или даже без.

— А ты что?

— Ну, было пару раз. Когда изголодаешься по ласке, готов переспать с кем угодно, лишь бы почувствовать, что кому-то нужен. Хотя я понимаю, им нужно мое тело.

Мне тоже нужно его тело. А еще нужно оказаться в нужный момент рядом, когда он будет готов «переспать с кем угодно». Фу, ну я и мерзкая, озабоченная баба. Но вообще, я хочу не только его тело. Что я зря свадьбу нашу представляла в первую минуту знакомства с Джошуа?

— Вот бы хоть кто-то спросил, чем я интересуюсь. Что мне нравится? Всем интересно только, как много я провожу времени в спортзале.

Пора закинуть удочку, Пэм. Или откинуться назад и спрыгнуть с корабля в море.

— Раз уж мы теперь соседи и друзья, можешь рассказать, что тебе нравится.

Ищу каждое движение на его лице. Омерзения вроде не наблюдается. И его не стошнило на секс-качели. Хороший знак.

— Мне нравится играть на гитаре и пианино. Готов играть часами. Моя страсть. А еще обожаю загорать на солнце. Желательно у бассейна или с видом на море.

— А я мечтаю жить в доме с видом на море. — Расплывшись в улыбке, я готова была заселить его в дом своей мечты. Бесплатно. Сегодня же.

— Когда купишь такой дом, будешь приглашать меня? А я взамен почию тебе трубу и сыграю на гитаре.

Я превратилась в желе и растеклась по полу, да?

— Придется каждый раз ломать трубы, чтобы был повод тебя вызвать.

— Так мило, — сказал он и затем сообщил: — Все готово. Как новенькие.

Мне жутко не хотелось отпускать Джошуа из дома. Да что скрывать: я бы посадила его на цепь к батарее и не выпускала бы никогда. Почему за подобные действия сажают в тюрьму? Это же не убийство. А безумный акт любви и бесконечной привязанности. Наручниками. Из нас вышла бы самая удивительная пара в мире. Ведь со временем он бы полюбил меня, поняв, как трепетно я к нему отношусь, позволяя мыться в тазике у батареи в изолированной от звуков комнате.

А еще у нас будет двое детей. Победительница всех конкурсов красоты девочка Патрисия и гроза Миссури мальчик по имени Кристофер. А знаете, почему они будут самыми красивыми детьми в мире? Потому что все гены пойдут от Джошуа, а от меня им достанется... Эм... Воображение. И больше ничего не надо от меня.

Интересно, если бы будущий-муж-Пэм знал, о чем я думаю, он бы уже позвонил в полицию? Или просто сбежал из страны и попросил бы убежища в Австралии?

Так, Пэм, самое главное — не думать вслух, и он никуда не денется. Существует ведь вероятность полюбить меня такую, какая я есть? Для этого нужно иметь какую-то изюминку. А единственный изюм, который у меня имеется, рассыпан на дне рюкзака.

Нет, ну серьезно? Должно же быть во мне хоть что-то привлекательное, чтобы парень влюбился?

Ненавижу моменты, как эти. Минуту назад мне нафиг не нужны были никакие отношения, а сейчас я планирую, как прицепить парня на цепь и родить от него двоих детей.

Только я такая непостоянная? Хоть бы не только я. Господи, сделай меня красоткой, словно по волшебству, чтобы Джошуа запал на меня, умоляю.

Сомневаюсь, что чудеса вообще бывают. Как вы считаете? Случалось ли с вами чудо? И что именно подойдет под эту категорию? Супер-невозможные случаи? Белка, раздавленная моим задом, считается чудом или это недостаточно невозможное происшествие? Для белки все явно закончилось плохо. Вот хуже некуда прям.

Ха-ха, порой, когда судьба уводит меня, непутевую, от выкалывания глаза веткой, я воспринимаю такой случай как чудо. А еще, как минимум раз в неделю, меня чуть не сбивает машина, потому что я хожу по улице, уткнувшись в телефон. К счастью, в самый последний момент срабатывает боковое зрение. Происходит это так: один глаз продолжает смотреть в телефон, а другой пялится влево или вправо и резко посылает звоночек в неактивный-мозг-Пэм, который забыл сформироваться, когда какая-то женщина носила меня в животе, планируя избавиться сразу же, как только я помахая миру пухлой ручкой.

Когда мы пошли к лестнице, я намеренно шла за Джошуа. Чтобы ему не пришлось лицезреть мой зад-убийцу. А вот на его выпуклости я смотрела с большим аппетитом. Дается же мужикам такое ни за что. Кстати, я давно заметила: парням чаще везет с попой, чем девушкам.

«Обращение к Богу.

Когда ты создавал людей, зачем ты наделил суперзадницами именно парней? Они им все равно ни к чему! Давай исправлять ситуацию. Готова поучаствовать в экспертизе поп в качестве оценщика. Готова начать по первому требованию».

Пока Джошуа не видел, я потянулась голодной рукой к его мясистой заднице. Ух, как бы хотелось ее потрогать. Включилось мое больное воображение, и я, закатив глаза, споткнулась о ступеньку и полетела лицом прямо в его седалище.

Я совсем полоумная! Тупая, неконтролируемая девка! О да, Пэм, теперь ты получила все, что хотела?! Самое худшее то, что во время полета я так шокировалась, что даже не почувствовала толком, какова она на ощупь! Единственный шанс в жизни, и он упущен. Бинго!

Парень взволнованно поднимал меня с колен. Три ногтя были сломаны. Дети мои... Ноготочки. Ноготусечки. Ни в чем не повинные малыши. Они же не виноваты.

— Ты цела? Признаться, так мой зад еще не трогали, — усмехнулся он, еле сдерживая улыбку-самого-нереального-мужчины-на-свете. Нет! Во вселенной.

— Люблю быть первой. — Проверила, не выбила ли себе зубы. Удар был достаточно сильный. — Я, если честно, тоже еще не трогала попу лицом. Более того, и не планировала никогда.

Джошуа улыбнулся, и мы продолжили подниматься по лестнице. Эта история началась с позором, и с позором закончилась. Даже боюсь представить, как однажды закончится моя жизнь. Ах да. Я просто подавлюсь едой.

Миссия была закончена, Дженни меня не отхлестает плетками до костей, чему я сильно была рада. Захотелось расслабиться после полученного стресса.

— Не хочешь выпить? — предложила я в надежде задержать его в доме.

— Еще даже не обед, а уже пить? Хотя стой. Тебе же нельзя алкоголь.

Беременность меня доконает. Сегодня же сделаю вид, будто рожая, чтобы к ночи уже иметь возможность тусить с ним. Кто вообще решил, что беременным девушкам нельзя пить? А как еще расслабляться? Медитировать? Я хочу набухаться так, чтобы кружилась голова, а кожа онемела.

Опять придется выкручиваться. Только не ляпнуть бы глупость.

— Я имела в виду чай или кофе.

Была бы у меня бабуля, она сказала бы писклявым дрожащим голосом: «Какая правильная толстая девочка, молодец, помпушка!»

Не жизнь, а сплошное приключение.

— Давай. Я буду кофе. Следующий заказ только вечером.

Удивительно. Он согласился провести со мной еще немного времени. Наверняка он прикалывается, или уже понял, что я маньячка, и ждет момента, когда я отвернусь, чтобы выпрыгнуть в окно.

Мы прошли на кухню, где Джошуа сел за барную стойку. Его джинсы так сексуально обтянули ляжки, у меня аж глаза запотели и бросило в жар.

Как не думать о нем как о сексуальном объекте? Тебе не помешал бы новый друг, Пэм! А ты только и думаешь, как соблазнить юнца.

— Сколько тебе лет? — спросила я, начав лазить по шкафчикам в поиске кофе.

— Мне двадцать один. А тебе?

Будь проклята моя дурацкая жизнь. Неужели мать не могла подождать два года, прежде чем меня рожать? Из-за нее я теперь старше Джошуа.

Но я все равно решила не врать. И так уже слишком много лжи вокруг беременности.

— Мне двадцать три. — Грустная интонация признающего в страшных убийствах маньяка. Электрический стул сейчас бы не помешал.

Джошуа заметил грусть в голосе.

— А почему такой тон? Только не говори, что ты уже считаешь себя старой?

— Не считаю. Просто у нас, девочек, так принято, что парни должны быть старше их самих.

Парень встал, напряг все мышцы, отчего он стал еще больше.

— Зато я больше и выше! И не без мозгов.

— Хочется верить, — подстегнула я намеренно. Первая шутка, которую я сказала, заранее обдумав. Правда, получилось немного с задержкой. Но изначально мысль была немного другой и касалась его мужского достоинства.

— Эй, не все качки тупые. Но я действительно помешан на спорте. Получаю огромное удовольствие от тренировок.

Пожалуй, все же надо гнать его в шею. Я не могу перестать думать, какой он сексуальный.

— Ой, похоже, кофе нет. — Станным образом голос превратился в детский. — Так что придется тебе уйти.

— Вот же он стоит. — Джошуа указал на банку около холодильника. — Прости, что не сказал раньше. Было очень интересно, как скоро ты ее заметишь.

Вывод очевиден: если бы горела моя квартира, а ключи от двери лежали рядом на комод, я бы превратилась в пережаренный шашлык.

Значит, кофе не отменить.

Отвернувшись от него, я принялась делать нам кофе. Как вдруг мне пришло смс от того самого номера.

Скрытый номер: Курьер с вазой будет с минуты на минуту.

Мысленно перекрестившись и возведя руки к небу, я убрала сотовый в карман. От страха аж руки побелели.

— Тебе помочь? — предложил Джошуа. Да, помоги выйти за тебя замуж.

Я залила в кружки кипяток, и в дверь позвонили. Надеюсь, не полиция.

На пороге стоял потрепанный жизнью курьер в темно-синем комбинезоне.

— Доставка для Пэм Честерфилд.

Все произошло за секунду. Я открыла дверь, забрала коробку и закрылась.

— Мэм, мне нужна подпись, — прокричал тот, показывая в руке бумажку.

— Поставьте плюстик. Или что хотите.

Это правда происходит. Я на спецзадании. Только работаю не на благо правительства, а на... На кого я вообще работаю? На анонима.

Крикнув Джошуа, что вернусь через минуту, я побежала в свою комнату открывать коробку. Как и ожидалось, в ней находилась маленькая ваза. На вид что-то египетское. А также уродливая форма уборщицы.

Супер. Или не супер? Сегодня, возможно, вершится судьба самой невезучей девушки в мире. Если каким-то образом те люди поймут, что я воровка, они вызовут полицию. Ну ничего, в особых ситуациях я способна бегать не хуже чемпионки.

Я спрятала вазу в шкаф и вернулась к Джошуа.

— Начал без меня пить? — сказала я, чуть обидевшись.

— Не хочу остывший кофе. Кто там приходил?

— Курьер. Доставил мне кое-что.

— Что?

— Ничего интересного. Штучки для беременных.

Спустя двадцать минут Джошуа ушел. Я хотела было расслабиться, полежать, но решила перечитать нервирующие меня сообщения от анонима.

Я всматривалась в каждое сообщение, пытаюсь понять, знаю ли я этого человека. Как вдруг я увидела адрес, куда я должна была пойти на дело.

— ВОТ ЧЕРТ!

Мой бывший дом. Точнее, то, что теперь стоит на его месте. Офигеть! Не может быть! В случае побега придется перелезть через забор, а это мне удастся с трудом. Фантастика!

Ладно, буду надеяться, что на воротах есть кнопка открывания. Или как там она называется?

Ну я и вляпалась. Как с таким уровнем везения я решилась на участие в афере? Хотя, стоит признать, в жульничестве я всегда преуспеваю. Редко когда меня ловили, а если я и попадалась, то умудрялась убежать. Бог все-таки существует. И, как бы странно это ни прозвучало, надеюсь, сегодня он поможет мне своровать статуэтку.

Докатилась. Молю Господа всемогущего прикрыть мою спину, пока я буду обшманывать дом богатенькой семейки.

Глава седьмая

Я беззаботно посмеялась и залезла в инстаграм полистать ленту. В профиле мошенницы нет фотографий. Да и откуда им взяться? Когда-то мы с Рико фотографировались на память, но мне нельзя было выкладывать наши фотографии, так как сейчас по лицу можно обнаружить тебя во всех соцсетях, используя всего лишь Яндекс, а не супершпионские программы.

Век опасных технологий. Так что, если ты находишься на темной стороне, тебя нигде не должно быть.

Именно поэтому меня словно и не существует. А я хотела бы существовать. Представляя, как выглядела бы моя идеальная жизнь, я вижу себя кем-то вроде блогера. Я бы что-то рассказывала людям, была бы полезной. Только что? В моей голове вообще ничего нет. Я даже сама себе не интересна.

Я начала листать сторис в ленте в надежде словить вдохновение. Одна блогерша рассказывала о своем завтраке. О том, как важно считать калории, чтобы оставаться в форме.

Посмотрев на свой живот, я поняла, что мои калории так просто не посчитаешь. Загадка вселенского масштаба, как и количество звезд в космосе.

Другая телка хвасталась отдыхом в Таиланде. При этом жалуясь, какая там невыносимая жара и какие отвратительные коктейли делает бармен. Истеричка. Так бы и врезала ей за тупость. Радуйся, что можешь себе позволить оказаться в Таиланде и не ной!

Третий блогер рассказывал сегодняшние планы, сидя в машине. Его стиль — болтать с поклонниками на светофорах, используя очень много грязных словечек. Его видео я смотрю, чтобы поднять себе настроение.

Я задумалась, выйдет ли из меня хороший клоун. Вряд ли. Обычно я шокирую людей, а не веселю их. Так что — нет.

Насколько я поняла, сейчас в моде бодипозитив. Типа, если ты толстая, ты не должна стесняться своего тела, а это значит, все толстухи должны с улыбкой танцевать в лифчике и трусах перед камерой, а затем выкладывать это в сеть, чтобы доказать всем, какая ты уверенная в себе.

Настоящий бред. Зачем людям тыкать в нос твоей уверенностью? Неужели кто-то правда считает, что левым людям интересно, как ты себя чувствуешь?

Признаюсь честно. Несколько раз я натыкалась на полных девушек почти в неглиже, танцующих перед камерой. Мне нравилась их энергетика, но не больше. Показывать полуголое тело разве смелость?

В какой момент вульгарность превратилась в смелость? Поскорее бы мода на оголенку прошла. Твое тело — дом, и не стоит пускать туда левых зрителей.

Может, вот оно? Вести блог о том, как важно вести себя сдержанно, не спать с мужиками до свадьбы и ходить в образе монахини? С таким успехом все начнут рожать от Святого Духа. Знайте меру, девочки. Необязательно танцевать в нижнем белье, чтобы показать, как вы себя любите. В одежде вы произведете эффект не меньше, чем без нее.

Еще я подписана на несколько матерей, показывающих, как правильно воспитывать ребенка. Они также рассказывают о вреде некоторых продуктов для малышей. Информация достаточно полезная. Но детей у меня нет, и я не планирую посвящать мелким спиногрызам всю оставшуюся жизнь.

Но я вполне могу играть роль фитнес-мамы, показывать упражнения и нести в свет здоровый образ жизни. Угу, конечно. Сейчас бы бургер съесть огромный с беконом и кучей соуса. А не салат...

Кстати, я никак не борюсь с лишним весом. Не слежу за питанием. Здесь, конечно, я виновата. За здоровьем надо следить и делать физические упражнения, чтобы коленные чашечки однажды не выпали.

Я решила задуматься о покупке абонемента в зал. Почему бы не взять сроком на месяц и посмотреть, как пойдет? Вдруг мне понравится, и я стану офигенной беременной бодибилдершей? И все будут удивляться, каким образом, занимаясь в зале, я не родила от натуги. Очень даже смешно, на мой взгляд.

Очень скоро пришла Дженни, и как только входная дверь захлопнулась, она крикнула мое имя так, будто я в чем-то виновата.

Я заволновалась. Неужели я опять натворила делов?

— Здесь висел ключ с колючим брелком. Случайно не знаешь, где он? — Ее глаза округлились от злости, но улыбка растянулась до самых ушей.

Как гром среди ясного неба, я вспомнила, что оставила ключ в замке той самой комнаты.

— О-о, ключ-юч. — Кровь хлынула в пятки, и казалось, я вот-вот вырублюсь, но в обморок падать нельзя, иначе Дженни точно меня прикончит. — Да, мне стало интересно, от чего он, и я ходила по дому, искала нужную дверь.

От Дженни веяло ледяным холодом. Она готова была меня заморозить взглядом прямо сейчас.

— И когда я не нашла дверь, оставила ключ где-то в доме. Джошуа приходил чинить трубу. Наверно, я отвлеклась на него. Так что ключ просто лежит где-то.

— Ищи! Я тоже пошла искать.

Первым делом она пошла проверять на кухне.

— Иди наверх. Я поищу на первом этаже. А то мне тяжело подниматься по лестнице. С моим-то весом.

Глаза Дженни сузились, и она вмиг поднялась на второй этаж.

А я кинулась со всех ног в подвал, словно от этого зависела моя жизнь. Ступеньки трещали подо мной, так что пришлось сбавить ход. Как я и подозревала, ключ находился в двери. Вот я дура! Прodelала такой длинный путь, чтобы спалиться вот так просто!

Я бегом бросилась обратно к лестнице, молясь успеть, однако на самом верху стояла Дженни, которая смотрела на меня с холодной улыбкой убийцы.

Кажется, я наделала в штаны, увидев, как та закрывает дверь со стороны подвала. Она начала спускаться по лестнице, не сводя с меня глаз.

Вот так я и умру. Забитая до смерти секс-игрушками.

Она подошла ко мне вплотную, и я удивилась, почему ее руки все еще не на моей шее.

Я вспомнила ее фразу, сказанную мне в примерочной.

— Вот ты и спалилась.

— У тебя новое хобби — врать людям? — спросила она, забирая ключ из моей руки.

Я не смогла ничего ответить.

— И каких ужасов ты себе напридумывала?

— Эм. Будто ты извращенка. И пытаешь людей.

Она промычала и открыла дверь в комнату мучений.

— Заходи, — предложила она загадочно.

— А может не стоит?

— Пэм, заходи. Проведу тебе экскурсию.

Я зашла, но не поворачивалась к ней спиной, боясь получить по голове.

— Буду с тобой откровенна, Пэм. Мы с родителями планируем открыть в Миссури свои магазины для взрослых. Здесь мы храним товар, который собираемся продавать. Тут пока все в единичном экземпляре, но скоро будет большой завоз. Ты бы все равно скоро узнала о комнате, так что любишь.

— Я уже насмотрелась, — призналась я, желая как можно скорее отсюда уйти.

Улыбка на лице подруги дрогнула.

— Сразу скажи, использовала ли ты здесь что-нибудь, чтобы я могла это выбросить в урну. — Она с отвращением прошла по содержимому. Наверно, думала увидеть использованный фалос.

— Не волнуйся, Дженни. Я такими штуками не увлекаюсь.

Она посмотрела на меня так, будто ее это нисколько не удивило.

— Ну, разумеется. А зря. Не хочешь сходить в рыбный ресторан? Тут недалеко. Там просто невероятная паста и салаты с морепродуктами.

— Я не ценитель салатов. Но пошли. От еды отказываться грешно. Богу это не понравилось бы.

— Да, и я хочу попросить тебя. — Глаза подруги снова угрожающе сверлили меня. — Не говори ничего Джошуа.

Черт! Должна ли я признаться, что он в курсе всего? Ужасная и неловкая ситуация. Но все равно решила промолчать и чуть не проглотила язык.

Мы вышли из дома через десять минут. До ресторана было совсем близко, так что мы просто шли и разговаривали.

— Мы так отделились друг от друга, когда ты улетела в Лас-Вегас. У тебя столько всего случилось. Как ты вообще решилась на брак с Рико?

От разговоров о бывшем я убегала всеми способами. Не знаю, что меня сейчас остановило, но я готова была броситься в бега, только не обсуждать его.

— Я пока не готова говорить о нем, если ты не против.

— Против. Вы расстались фиг знает когда. У обычных людей раны заживают за несколько месяцев. А ты что, страдаешь по нему до сих пор?

— Мне очень грустно о нем говорить. В другой раз, окей? Давай о чем-нибудь другом.

— Давай. Чем ты занималась последние три года?

— Играла в казино. Жила на выигрыши.

Дженни очень удивилась.

— И ты постоянно выигрывала? Но ты ведь невезучая!

— Сама удивляюсь, но вот так вот.

— Значит, у тебя счастливая рука. Интересно. Надо бы сходить как-нибудь поиграть вместе. Удалось накопить денег?

Думаю, пора было поделиться с подругой своей самой большой мечтой. Может открытость снова нас сблизит?

— Я мечтаю накопить на небольшой дом с видом на море. В Лос-Анджелесе.

— Дорогая мечта. Очень. Даже боюсь представить эту сумму.

— Почти миллион долларов. Неподъемная цена. Мое везение в казино не настолько прибыльное.

И я показала фотографию очень красивого домика на краю берега.

— Недурно, — согласилась подруга. — Мне и здесь хорошо, но порой действительно хочется выбраться из Миссури.

— Будь у меня твои доходы, я бы давно жила в таком доме.

— На мне большая ответственность, Пэм. Родители доверили свой бизнес, и я не могу скинуть его на помощника, а сама спокойно валяться на лежаках.

— А я бы так и сделала. Жизнь-то всего одна. Вот постареешь, и будешь бояться показывать свое дряблое тело всему пляжу. Грудь укатятся в подмышки, а кожей на подбородке можно будет обмахиваться, как веером.

— Фу. Больная фантазия. Я не готова к подобным переменам. К тому же мне всего двадцать три года.

— Тебе УЖЕ двадцать три. Возможно, через пару лет ты родишь ребенка, и тогда планета развернется и унесет твой пляж куда подальше. К тому же — что тебя держит здесь? Друзей у тебя нет. Только я.

Дженни возмутилась и пихнула меня легонько сумкой.

— У меня есть несколько подруг. Саманта и Николь. Мы частенько встречаемся.

— Имена, как в сериале прям.

Увидев газетный ларек, я заставила Дженни подойти к нему, чтобы купить парочку журналов для беременных.

— Скоро рожать, а я даже не знаю, каково это — быть беременной, — сказала я подружке для смеха. Продавец посмотрел на меня с подозрением.

— Что? Полным сложно понять — ребенок это или ты просто поправилась еще больше.

— Господи, Пэм. Тебе надо на шоу талантов. Ты бы выиграла, просто поговорив с жюри минуту.

Мы дошли до ресторана. Его раньше здесь не было.

— Офигеть, пять лет всего прошло, а столько всего изменилось.

— Ресторан принадлежит маминной сестре. За ним тоже присматриваю я. Так что не стесняйся, заказывай, что хочешь.

Теперь я точно чувствовала себя на сто процентов бедной. Практически так и было. У меня даже дома своего нет.

Поскольку был день, в ресторане сидело всего несколько человек. Фрилансеры чертовы. Только место занимают и заставляют завидовать.

Здесь было весьма уютно. В стиле лофт, если не ошибаюсь. Мне очень понравились большие кожаные диваны и бело-синие фартуки официантов.

С Дженни учтиво поздоровались. Конечно, ее тут все знали и уважали. Хотя вся прислуга должна делать вид, что уважает босса. Даже если это далеко не так. Но, думаю, Дженни есть за что уважать.

Я открыла меню, и захотелось сразу уйти. Названия блюд выглядели как тупой набор букв. Ненавижу такое. К тому же не было даже картинок. Откуда мне знать, что такое «стир-фрай» или «саганаки»?

— Все нормально? — спросила Дженни, застыв.

— Прости, но кажется, я пропустила в школе урок по названиям блюд. Нормальным языком нельзя написать?

Дженни стало неловко, отчего я почувствовала стыд. Она привела меня в свой ресторан, предложила угоститься, а я веду себя, как ребенок.

— Прости, если грубо. Просто тут даже картинок нет. Я не понимаю ни одного слова. Или сюда ходят одни аристократы?

Дженни наклонилась ко мне и шепотом сказала:

— Признаюсь, Пэм. Я сама нифига не понимаю.

И мы засмеялись, словно дети. Ее лицо залилось красным, она облокотилась на спинку дивана и спрятала губы за ладонью, когда подошел официант.

— Я закажу за тебя, Пэм. Ты не против?

Согласно кивнув и понадеявшись на ее щедрость, я внимательно вслушивалась в количество блюд, которые она заказывала.

— Будь добр, принеси два салата с рукколой и креветками, также для двоих креветки в кляре, морепродукты в панировке — большая порция, и малиновый чай. Спасибо.

Надеюсь, порции у них большие.

— Пэм, будешь еще рыбный бургер? Очень вкусный.

Я кивнула, хотя от слова «рыбный» захотелось наблестать в сумочку. Но раз вкусный...

Наступило неловкое ожидание заказа. А это значило, надо о чем-то говорить. А если Дженни принесут заказ первой, и она начнет есть, говорить придется только мне. А я не хотела, потому что мне абсолютно нечего рассказывать, ведь я совершенно неинтересный человек. Со мной вообще ничего не происходит, кроме дурацких историй.

Точно! Я же купила журналы! Которые были недешевые, между прочим. Кошмар. Мир пытается заработать даже на беременных.

Открыв журнал на двадцать первой странице, я наткнулась на интервью одной из наших. В нем обсуждалась тема самых раздражающих вопросов.

— Посмотрим, что меня должно выводить из себя? — Дженни улыбнулась. Н-да, ситуация и правда забавная. Я учусь притворяться, что раздражена. — «Меня нереально бесят люди-советчики. „Кушай много мяса и овощей“, „забудь про газировку“, „одевайся тепло“, „забудь про каблук“».

— Как глупо. Думаю, ты и сама все прекрасно понимаешь. Ты же не глупая. Но советы и правда раздражающие.

Я согласно кивнула и продолжила читать.

— «Если говоришь, что планируешь кормить смесью, то превращаешься в самую плохую мать на свете, и вообще, в таком случае тебя лучше всего лишить материнских прав. Типа, „Ты должна сидеть на диете ради ребенка, а смесь вообще-то очень вредна для малыша“. Серьезно? И я должна выслушивать ахинею каждый раз на протяжении девяти месяцев? И когда люди видят, что я злюсь, они считают нужным добавить: не нервничай, тебе вредно, успокойся. В такие моменты у меня дергается глаз».

— В общем, говори, что будешь кормить грудью. Чтобы не приставали со своим мнением. Что там еще?

— «Когда тема доходит до примет, мне кажется, я готова родить здесь и сейчас. К примеру: „Не подстригай волосы, а то жизнь ребенку укоротишь“ или „Не трогай нитки, а то ребенок в пуповине запутается“».

— Даже я немного взбесилась.

— «А еще очевидные факты о наборе веса. „Смотрю, щечки появились, поправилась, да?“ Более тупого вопроса быть не может».

— Неужели люди настолько ограниченные? Так, давай потренируемся. Я буду говорить стандартные вопросы, а ты отвечай так, будто беременна.

— Окей, давай. — Я села поудобнее, готовясь к экзамену.

— Какое имя у ребенка?

— Еще не решила.

— Когда рожать?

— Эм, через три месяца.

— Нет, Пэм, ты должна отвечать так, словно слышишь эти вопросы в тысячный раз.

— А, окей. — Я нахмурилась, как пещерный человек.

— Ты же знаешь, тебе кофе нельзя?

Я изобразила злость и вся натужилась. Даже захотелось в туалет.

— На тридцать процентов меньше злости, — посоветовала Дженни. — Так лучше. По сути, все, что связано с вопросами о ребенке, должно вызывать у тебя такое лицо. Но не переборщи. А то выглядит так, будто ты готова съесть собеседника.

— Сейчас я и правда готова съесть кого угодно.

Через минуту нам принесли мелкие морепродукты в панировке. Выглядело, как огромная куча поролона, но запах исходил приятный. Мы с Дженни взяли китайские палочки и накинулись на еду.

— М-м, вкусно, — говорила я с набитым ртом, в котором чего только не было. И мидии, и кальмары, и рыба. — Расскажи, личная жизнь у тебя как? Был кто или нет?

Дженни скорчила гримасу, как бы говоря «все мужики — козлы». По крайней мере мне так показалось.

— Похоже, всех интересует только один секс. Мир помешался на нем просто! Ты не согласишься, но количество ВИЧ-инфицированных с каждым годом становится на сотни тысяч больше. Что за склонность к суициду? Я уже ненавижу этот гребанный секс! Крыша от него скоро поедет. Порой я представляю себя Миллой Йовович, которая бежит от толпы зомби. Только вместо них я вижу суперзабоченных мужиков, кричащих мне «стань моей госпожой», «куни?», «любишь жесткий секс?», «минет?», «покажи киску»! Извращенцы. Ты не подумай, я тоже не святая монахиня, но почему только мне хочется заниматься сексом с любимым человеком? Мир так изменился, что мне кажется, будто они нормальные, а я нет.

За мной мужики табунами не бегают, но я понимала Дженни. Когда сидела на сайтах знакомств, мне тоже предлагали всякие мерзости, но и мужики были, словно из фильма ужасов. Собственно, я для них красotka.

— А что будет дальше? — спросила она, вонзив палочку в кальмара. — У каждого третьего будет ВИЧ. Дети начнут рождаться уже больными, и всех ждет один итог. Смерть от банальной простуды.

— Ты так сильно боишься заболеть? — Ее страх был очевиден. — Не думала о том, если не было бы болезней, спала ли бы ты с кем попало?

— Конечно, я боюсь заболеть. Уверена, все боятся. И отвечая на твой вопрос: нет, я все равно бы не спала с толпой. Люди превратились в безответственных болванов и обезьян, у которых в голове только один животный инстинкт — спариваться. Порой я иду в многолюдных местах, смотрю на людей, вроде все адекватные, ходят, разговаривают, веселятся. А сами небось постоянно только и думают о сексе. Какая-то половая болезнь. Всемирная эпидемия.

— Согласна, неприятно. Так парень был у тебя за пять лет, пока меня не было?

— Был. Джонатан Флетчер. Как оказалось, встречался со мной только из-за денег. Доил, как корову. То у него серьезно мама заболела, то бабушка помирает, то кредиторы угрожают лишить его ног. Лучше бы языка его лживого лишили.

— Я поражена. До этого момента ты была такая сдержанная, а сейчас готова рвать и метать. Такую я тебя не знаю.

Дженни улыбнулась, будто она находится на конкурсе «Самая милая красавица Миссури».

— Да уж. Мужики меня задолбали. Вот я и стала жесткой.

— Жесткой доминаткой, — добавила я, делая вид, что отхлестала стол плеткой. Дженни нахмурилась.

Нам принесли салат с рукколой и креветками.

— А помнишь, как мы по полдня сидели в «Макдаке», ели картошку и нагетсы? — Воспоминания захлестнули голову, как наводнение. — И ты всегда боялась прогуливать школу.

— Конечно, моим родителям нужна была дочь-отличница, а не прогульщица. Чтобы хвастаться перед друзьями, какая у них гениальная девочка растет. А на деле что? Мне так тяжело давалась эта учеба, я так выматывалась, что некогда было даже поплакать. Я плакала во сне, как дебилая. А теперь что? Поступила я в Гарвард? Нет! На меня скинули семейный бизнес.

— Время и правда изменилось. Сейчас мало кому интересно, где ты училась. Если ты прошла трехмесячные курсы по маникюру, этого уже достаточно для клиентов. Сиди и пили чужие ногти в ведро.

— Есть такое. Но мне так не хватает студенческой жизни. Клянусь, я бы все сейчас бросила, поступила бы в универ и жила бы с тремя соседками в маленькой комнате.

— А как же джакузи? — спросила я, вспоминая, как мои сосиски болтались по его дну туда-сюда. — И прочие лакшери, окружающие твою жизнь? В институте тебя будут знать как Дженни-студентку из общаги, а тут тебя знают как Дженни — владелицу магазинов и ресторана.

— Я хочу отдохнуть. Хочу каникулы. Завести друзей, пить на выходных дешевый алкоголь и танцевать. У меня этого не было. Это же неотъемлемая часть подростковой жизни и становления взрослым человеком. Уверена, было бы очень весело пожить студентом.

— Я тоже никуда не поступила. Но не скажу, что жалею. Наверно, я просто не социальная. Мне достаточно одного человека рядом, с которым будет хорошо. Который остановит меня, тупоголовую,, когда я буду проходить через трамвайные пути и идти навстречу смерти, плясая в телефон.

Случай действительно реальный. Я так торопилась на автобус, что бежала через пути, ничего не замечая. Но, к счастью, все обошлось.

— Салат просто офигенный, я тащусь! — Если бы не супервкусное масло, был бы совершенно обычный салат. Но оно придавало ему такой кайфовый вкус, что я ела бы его каждый день. — И манго мягкое. Оно всегда попадалось мне деревянным, пресным, будто из-под бабкиных ног. А оказывается, оно очень вкусное.

— Рада, что тебе понравилось. А вот и чай. Я его обожаю.

Малиновый чай походил скорее на горячий компот из тертой малины и апельсина. Безумно вкусно и кисло. Как я люблю. Признаюсь, ожидала помой.

А вот креветки в кляре мне не очень понравились. Начнем с того, что они были размером с палец, и вкус терялся из-за панировки. Дженни предложила выжать на них лимон. Стало и правда вкуснее.

Мы еще вспомнили несколько моментов из детства и вскоре засобирались домой. Мне было очень весело с Дженни. Надеюсь, меня сегодня не посадят в тюрьму. Иначе я такой салат еще не скоро увижу воочию.

Я знатно отъелась и была на седьмом небе от счастья.

— Эх, сейчас бы завалиться в кровать, сериальчик посмотреть, — Мы выходили из ресторана, словно знаменитости. Каждый сотрудник попрощался с нами с улыбкой, и я ощущала себя не хуже Анджелины Джоли, только на шестьдесят килограммов больше. В общем, аппетитней кусочек явно я.

— Предлагаю завтра сходить пошопиться. Как ты на это смотришь? — Дженни приободрилась духом и снова превратилась в контролирующую любую ситуацию девушку.

— Давай.

— А то ты, считай, с одним рюкзаком всего прилетела. Прикупишь себе парочку вещей. Настроение поднимется.

Глава восьмая

До сегодняшнего дня я думала, что самое трудное в работе уборщицы — это убирать. Оказалось, гораздо труднее объяснить лучшей подруге, почему ты собираешься делать это в чужом особняке, когда у тебя есть прекрасная возможность бесплатно жить в её доме и портить только её вещи.

— Ты куда-то идёшь? — спросила Дженни.

Я стояла посреди комнаты в форме, которую мне прислал неизвестный благодетель, и пыталась застегнуть последнюю пуговицу. Надеюсь, женщина, по чьим меркам шили это платье, до сих пор жива. Судя по ширине рукавов, ела она исключительно воздух и по большим праздникам позволяла себе понюхать картофель.

— На собеседование.

Пуговица отлетела, ударилась о дверцу шкафа и исчезла.

Отлично. Первую часть собеседования я уже прошла. Продемонстрировала инициативность.

— В таком виде?

— А что? Слишком нарядно?

Подруга посмотрела на белый воротничок, потом на мой живот и на тёмно-синий подол, который собрался складками чуть ниже того места, где, по легенде, находился младенец.

— Ты похожа на ученицу, которую оставили на второй год восемь раз подряд.

— Зато у меня очень богатый жизненный опыт.

Я потянула платье вниз. Оно поднялось сзади.

Просто великолепно. Одежда работает на принципе сообщающихся позоров: прикроешь один — вылезет другой.

Дженни упёрлась плечом в дверной косяк. После ресторана она переделалась в светлые брюки и мягкую кофту. У нормальных людей это называется «домашний вид». На ней это выглядело так, будто фотограф ещё не пришёл, но обложку журнала уже согласовали.

— Ты сегодня ничего не говорила про работу.

— Потому что не хотела сглазить.

В общем-то, это было правдой. Я не хотела, чтобы хоть кто-нибудь знал об этой работе до момента, когда она успешно закончится и я получу деньги. Или до момента, когда мне понадобится человек, способный приехать в полицейский участок с тёплыми носками.

— А куда тебя пригласили?

Я поковыряла пальцем пустую петлю от пуговицы.

— В один дом. Убираться.

— Это я поняла по форме. Какой дом?

— Большой.

— Пэм.

Вот так, без крика, без угроз. Просто моё имя. Дженни умела произносить его так, будто открывала папку с доказательствами.

Я сказала адрес.

Она выпрямилась.

— Там же жили твои родители.

— Видишь, даже дорогу запоминать не надо. Очень удобная вакансия.

— Ты только вчера приехала. Когда успела найти её?

— Интернет.

Слава человеку, придумавшему интернет. На него можно свалить любое подозрительное событие. Почему купила уродливые ботинки? Интернет. Откуда знаешь, что осьминоги умные? Интернет. Почему идёшь вечером в чужой дом с копией дорогой вазы? Интернет, Дженни, не мешай прогрессу.

— Покажи объявление.

Прогресс моментально сдох.

— Уже сняли. Я подошла.

Подруга протянула руку.

— Тогда покажи переписку.

Я взяла телефон с кровати и сделала вид, что проверяю время.

— Я опаздываю. Потом всё покажу.

— Ты сама говорила, что беременной быть не умеешь. Там тебя будут считать беременной, Пэм. Что ты скажешь, если попросят справку или предложат помощь?

— Что мне нужна работа, а не фестиваль вопросов.

— Сними живот.

В комнате стало тихо.

Я бы с удовольствием сняла живот. Выбросила бы его в окно, желательно в человека, который прислал мне эти сообщения. Но неизвестный специально велел его надеть. Почему? Чтобы я выглядела безобидной? Чтобы легче было запомнить, если меня потом покажут по местным новостям?

«Внимание. Разыскивается гражданка, предположительно ожидающая появления ребёнка или условного срока».

— Он часть образа, — сказала я.

— Какого ещё образа?

— Женщины, которой очень нужна работа.

Дженни прищурилась.

Я вдруг ясно поняла, что умею обманывать незнакомых мужчин, когда они смотрят на декольте, но гораздо хуже умею обманывать человека, который помнит, как я в девять лет выдала кетчуп на школьной форме за смертельное ранение.

Тогда учительница вызвала медсестру, а Дженни сказала: «Пэм, от крови не пахнет картошкой». Вот и все мои спецэффекты.

— Мне надо попробовать, — произнесла я уже тише. — Я не могу всё время сидеть у тебя на шее.

Сработало. У Дженни изменилось лицо.

И от этого стало так мерзко, что я отвернулась к зеркалу. Вот человек радуется: её подруга наконец решила заняться чем-то нормальным. А нормальная подруга собирается украсть декоративную посуду.

— Ты у меня не на шее, — сказала она. — Но работа — это хорошо. Просто я могу помочь тебе найти место. У меня есть вакансии.

— В твоих магазинах?

— Для начала. Или в ресторане. Там тебя хотя бы никто не заставит таскать мебель.

И каждый раз, когда у меня будет кассовая недостача, мне придётся смотреть Дженни в глаза.

Нет, спасибо. Не потому что я собиралась обокрасть её магазин. Потому что знала себя: один неправильный шаг, одна опрокинутая полка, и подруге придётся оплачивать моё существование уже официально.

— Я хочу сама.

Эти слова неожиданно оказались самыми честными за весь разговор.

Дженни помолчала, потом подошла и осмотрела воротник.

— Сколько у тебя времени?

— Минут двадцать.

— Повернись.

Она полезла в боковой шов, нащупала молнию и расстегнула её почти до бедра.

Платье облегчённо разошлось.

Я тоже. Мы обе слишком долго держались.

— Здесь ещё фартук был? — спросила подруга.

Я кивнула на белый комок, оставшийся в коробке.

Дженни развернула его, обошла меня и завязала широкие ленты так, что они прикрыли открытый шов. Потом достала из ящика маленькую булавку и закрепила воротник.

— Только не наклоняйся слишком резко. И локоть не мочи.

Я посмотрела на повязку. После примерочной рука всё ещё побаливала, особенно когда я напрягалась. Удивительно, что за один день я не успела потерять и вторую. Она ведь ничем не лучше.

— Спасибо.

Дженни поправила мне волосы.

— Вот теперь похожа на взрослую женщину, которую оставили на второй год.

Я засмеялась. Она тоже.

И на несколько секунд стало совсем как раньше. До пяти лет молчания, до фальшивого живота, до чужой вазы в моей сумке.

— Долго тебя ждать? — спросила она.

— Не знаю. Может, часа два.

— Напиши, когда закончишь. Если будет поздно, я тебя заберу.

— Не надо. Я сама доеду.

— Тогда хотя бы сообщи, что жива.

— Пришлю фото с сегодняшней газетой.

Она закатила глаза и вышла. Я послушала шаги, пока они не стихли на лестнице, и только потом закрыла дверь.

Копия вазы стояла в шкафу между моей толстовкой и упаковкой пластырей. Маленькая, тяжёлая, песочного цвета, с двумя тёмными полосками вокруг горлышка. На боку был нарисован длинноногий человек с чем-то похожим на ложку.

Если это древний бог, мы с ним прекрасно сработаемся. Меня тоже легко вызвать при помощи ложки.

Я завернула вазу в полотенце. В последнее время полотенца выполняли в моей жизни очень важные функции. Утром изображали ребёнка. Вечером пособничали преступлению. Отдыхать им некогда.

Телефон завибрировал.

Скрытый номер: В доме тебя ждут. Представись Памелой из службы уборки. Не опаздывай.

Я: А кто второй человек?

Скрытый номер: Рабочий. Он займётся техническим помещением. Ваза в малой гостиной на первом этаже. Низкий стол у окна.

Я перечитала сообщение.

Откуда этот человек знал расположение вещей? Бывший сотрудник? Родственник, которого забыли включить в завещание? Очень плохо воспитанная ваза, решившая сбежать сама?

Я: Второй знает, что мы делаем?

Ответ пришёл не сразу.

Скрытый номер: У каждого своя задача. Не обсуждай мою.

Вот это уже мне не понравилось. До этого тоже ничего не нравилось, но теперь неприятные ощущения получили отдельный стул и уселись прямо напротив.

Я: Мне нужно знать, кому я могу доверять.

Скрытый номер: Себе. За результат ещё тысяча.

Я посмотрела на экран, на вазу, потом опять на экран.

Пэм, деньги не обязаны пахнуть. Иногда достаточно, чтобы от них воняло всей ситуацией.

Но две тысячи уже лежали в моём кошельке. Ещё тысяча означала три тысячи за день. Столько я никогда не получала. Даже в самые удачные недели, когда мужчины сами убеждали меня взять побольше.

Я убрала вазу в сумку, надела самые удобные кроссовки и вышла из комнаты. Бог простит обувь, не подходящую к форме. Тем более, если она помогает вовремя убежать.

На кухне Дженни говорила по телефону. Она придерживала плечом трубку и записывала что-то в блокнот.

— Нет, на завтра подтверждали шесть коробок. Не четыре, Марта. У меня есть ваше письмо.

Она посмотрела на меня и, не прерывая разговора, указала на стол.

Там лежал контейнер с двумя маленькими сэндвичами.

Для меня.

Вроде бы ничего особенного. Обычный хлеб, сыр, салат. Но мне почему-то захотелось развернуться, снять идиотский фартук и сказать: «Дженни, со мной происходит какая-то дрянь. Я опять соврала, и теперь мне страшно».

Я даже вдохнула.

— Конечно, я проверю накладную, — сказала подруга в телефон. — Через десять минут пришло.

Я взяла контейнер, показала ей большой палец и вышла.

Великий момент честности проиграл двум сэндвичам и профессиональной занятости.

До башни я дошла без происшествий. Для вас это пустяк, для меня — событие, которое стоит занести в календарь. По дороге даже голуби смотрели в другую сторону, будто у них был выходной от Пэм Честерфилд.

У основания башни стоял человек в серых рабочих брюках. Он держал ящик с инструментами и что-то печатал в телефоне.

Я узнала его со спины.

Конечно, узнала. Сегодня я с этой спиной провела больше времени, чем с собственными мозгами.

— Нет, — сказала я вслух.

Джошуа обернулся.

— Пэм?

В первый момент мне захотелось сделать вид, что он обознался. Сказать, что я сестра-близнец, у которой просто такая же беременность и такой же локоть, перебинтованный после встречи с лучшей подругой.

Но я никогда не была настолько глупой.

Ладно, была. Однако сейчас не хотелось.

— Ты чего здесь?

— Жду сотрудницу службы уборки. А ты?

Я медленно развела руками.

Его взгляд опустился на фартук.

— Серьёзно? Это ты?

— Сама в шоке.

Причём впервые за вечер я сказала правду без примесей.

Джошуа улыбнулся, и вся моя готовность к преступлению сразу превратилась в желание поправить волосы. Я убрала одну прядь за ухо, задела воротник и укололась булавкой.

— Чёрт.

— Что?

— Ничего. Форма нападает.

Он посмотрел на время.

— Мне сказали встретить Памелу. Я не подумал, что тебя. Ты же только приехала.

— Решила не терять время.

— Здорово.

О, Господи. Он мной гордился. До полного морального разложения не хватало, чтобы он предложил отпраздновать мою первую честную зарплату.

Я осторожно поглядела на его телефон.

— Тебе кто позвонил?

— Диспетчер. У них срочный заказ, нужен человек проверить протечку в техническом помещении. С уборкой договорились отдельно. На воротах вечером не будет постоянного сотрудника, поэтому нас впустят вместе.

— Давно ты с ними работаешь?

— Первый раз. Номер дали через знакомого. Почему?

— Просто интересно.

Слишком много незнакомых людей в одной маленькой истории про вазу.

Джошуа подхватил ящик, а я поспешила рядом, стараясь, чтобы сумка не билась о бедро. Из-за полотенца она казалась мягкой. Как будто я несла запасную голову.

— Тяжёлая? — спросил он.

— Нет.

— Могу взять.

— НЕТ.

Он остановился.

Я кашлянула.

— Там личные вещи. Мне удобнее самой.

— Как скажешь.

Не представляю, что он подумал. Наверняка ничего страшного. Пэм всего лишь кричит, когда ей предлагают помощь. Абсолютно нормальная будущая мать, которой можно доверить новорождённого и острые предметы.

Мы пошли дальше.

На углу я увидела припаркованную машину, похожую на ту, из которой сегодня вышла великанша. Серебристый кузов, тёмные стёкла. Сердце ударило куда-то в горло.

— Ты чего? — спросил Джошуа, потому что я резко перешла на другую сторону от него.

— Солнце в глаза.

Солнце заходило у меня за спиной.

Очень умное светило. Умеет нападать с тыла.

Я украдкой оглянулась. В машине сидел худой мужчина и ел что-то из бумажного пакета. Я облегчённо выдохнула и немедленно захотела есть. Стресс — удивительная штука. Только что я была готова умереть, а теперь ищу кетчуп.

— Ты поужинала? — спросил Джошуа.

— Немного.

Соврала. После обеда в ресторане желудок ещё не успел понять, что мы снова заняты.

— У меня сэндвичи, — добавила я и достала контейнер. — Один могу отдать.

Он удивлённо посмотрел на меня.

И правильно сделал. Мне тоже стало не по себе. Никогда не знаешь, на что способен человек под влиянием чужих красивых глаз.

Мы остановились у пустой скамейки. Я открыла контейнер и выбрала сэндвич поменьше.

Нравится парень — делись. Нравится еда — делись внимательно.

— Спасибо, — сказал Джошуа. — Я с обеда ничего не ел.

Мы съели их стоя. Никакого шампанского, свечей и музыки. Я в форме уборщицы, он с инструментами, рядом урна с чьим-то недопитым кофе. Но почему-то мне понравилось гораздо больше, чем вчерашнее сидение в джакузи.

Может, потому что здесь никто не тонул в сосисках.

— Пэм, — сказал Джошуа, вытирая руки салфеткой. — Только не думай, что я лезу. Тебе сейчас точно можно работать?

— Мне можно многое. Просто не всегда нужно.

— Я про ребёнка.

Конечно. Кого ещё в нашей беседе могла интересовать моя работоспособность? Невидимого человека, которому я сегодня впервые пожалела, что выдала прописку у себя под платьем.

— Всё хорошо. Если станет тяжело, я скажу.

— Скажи сразу. Не надо терпеть.

Я посмотрела на него и кивнула.

Самое неудобное в хороших людях — они заставляют тебя чувствовать себя плохой даже без специального намерения.

Мы снова двинулись к дому. Когда показался забор Вандербельдов, у меня внезапно пропала охота шутить.

Вчера я стояла здесь, не зная, куда делись родители. Сегодня меня ждали за этими воротами. И кто-то заранее знал, что я туда приду.

Я остановилась у почтового ящика.

Джошуа нажал кнопку домофона.

— Добрый вечер. Рабочий и сотрудница уборки. На семь часов.

Щёлкнул замок.

Вот так просто.

Я столько раз представляла себе, как попаду внутрь, и ни в одной версии всё не происходило настолько легко.

Нормальному человеку это придало бы уверенности. Мне захотелось бежать.

Ворота открылись бесшумно. Очень обидно. За такие деньги я бы хотела, чтобы они хотя бы торжественно называли фамилию гостей.

Дорожка к дому была выложена светлой плиткой. По краям росли аккуратные кусты, между ними торчали маленькие фонарики. Ни сорняков, ни валяющихся пакетов, ни отцовских перчаток, которые когда-то лежали возле крыльца месяцами, потому что он всегда собирался «забрать их позже».

Я узнала только яблоню.

Она стояла в глубине участка, за новым стеклянным павильоном. Ствол кривился влево, словно дерево пыталось незаметно уйти от этих людей. В детстве я лазила на неё за яблоками, хотя мама считала, что сначала их нужно тщательно осмотреть и помыть. Однажды я сказала, что черви тоже имеют право на уютный дом, и за это мне неделю читали лекции о гигиене.

Интересно, где сейчас человек, который так беспокоился о чистоте яблок, но ни разу не спросил, почему его дочь плачет в домике на дереве.

— Красивый дом, — сказал Джошуа.

— Да.

Мне не хотелось рассказывать ему про старый. Возникло глупое чувство, будто он посмотрит на новую штукатурку и сразу поймёт всё, что происходило под прежней крышей.

Дверь открыла женщина с гладко зачёсанными седыми волосами. На ней были чёрные брюки и белая рубашка, а на лице — выражение человека, который уже всё знает и просто ждёт, пока остальные перестанут мешать.

— Памела?

— Она самая.

— И Джошуа Смит?

Он кивнул.

— Проходите. Я Беатрис. Управляющая домом.

Управляющая. Даже её профессия звучала достойно. А я, если повезёт, к концу вечера буду управлять одной вазой.

Мы вошли в просторный холл. Под потолком висела люстра, от которой мне сразу захотелось отойти подальше. Столько стекла над головой! С моими отношениями со вселенной разумнее ходить в строительной каске.

На стене висела большая картина с белым пятном посередине. Возможно, это снег. Возможно, художник в этом месте забыл продолжить. Я не стала спрашивать: некоторые белые пятна стоят дороже, чем моя жизнь целиком.

Беатрис посмотрела на мою сумку.

— Можно оставить здесь, на скамье.

— Мне нужны вещи для работы.

— Инвентарь у нас свой. Агентству сообщали.

Я чуть не кивнула с уверенностью человека, который действительно читал требования агентства.

Но Джошуа стоял рядом, и почему-то именно это заставило меня не разыгрывать слишком большой спектакль.

— У меня личное. Я бы оставила при себе.

Беатрис снова опустила взгляд на живот, и я поняла: неизвестный не зря велел его надеть. Люди иногда готовы принять странное поведение, если ты обеспечиваешь его визуальным оправданием.

— Хорошо. Только не ставьте на мебель. Обувь сменная есть?

Мысленно я взглянула в сумку на вазу. Сменной обувью она не являлась даже при очень богатом воображении.

— Нет. Извините, я не знала.

Женщина открыла узкий шкаф и выдала мне пару мягких тапочек.

— Эти подойдут.

На вид они стоили дороже моих кроссовок. Невероятно: я только что получила повышение по обуви.

Пока я переобувалась, Джошуа достал из ящика чистые рабочие накладки и натянул их поверх ботинок. Конечно же, он пришёл подготовленным. Человек, который умеет искать кофе, чинить трубы и заранее думает о чужом паркете. В следующую встречу я намеревалась спросить, не ходит ли он ещё и по воде.

— Хозяева через двадцать минут уезжают, — сказала Беатрис. — Просили не затягивать. Вас, Джошуа, я провожу вниз. Памела, подождите здесь.

Они ушли к двери за лестницей.

И вот я осталась одна.

В ЧУЖОМ ДОМЕ.

С вазой в сумке, деньгами за будущую кражу в кошельке и полным отсутствием представления, как прожить следующие полчаса.

Я осмотрела холл. Справа был широкий проход, слева — закрытая дверь. В конце коридора на стене висело зеркало, в котором я увидела себя и моментально испугалась.

Белый фартук делал живот ещё больше. Сейчас я была похожа на праздничный стол, которому прикрутили ноги и поручили вытереть другие столы.

Телефон завибрировал.

Скрытый номер: Не задерживайся. Малая гостиная справа от холла.

Я посмотрела на широкий проход.

Потом на телефон.

Возможно, отправитель просто торопился. Но мне вдруг стало казаться, что он видит меня.

Я: Вы здесь?

Ответа не было.

Сверху донёлся женский голос:

— Беатрис! Ты нашла белую коробку?

По лестнице спускалась стройная женщина лет сорока в бежевом платье. В руках у неё были два серьёзных противника: телефон и массивная золотая серьга. Она пыталась разговаривать по одному и попасть в ухо другой.

Я замерла, прижав сумку к боку.

— Ах, добрый вечер. Вы вместо Клары?

— Добрый вечер. Памела.

— Очень приятно. Элеонора Вандербельд.

Ну конечно. Не может женщина в таком доме называться просто Лиз. Ей положено имя, которое не помещается на стандартную визитку.

— Беатрис вас уже проинструктировала?

— Ещё нет.

— Сегодня немного работы. Вчера приезжали установщики, оставили следы в малой гостиной. Завтра у меня гости, а Клара как назло не может выйти.

Я сочувственно кивнула. Как назло. Кто-то очень удачно выбрал вечер, когда постоянная уборщица внезапно не может выйти.

— Главное — не трогайте серебряный поднос на консоли, — продолжила хозяйка. — Его уже отполировали. И осторожно с вазой у окна. Виктор обожает её больше, чем некоторых родственников.

Я посмотрела на свою сумку так, будто там сидела родственница, которую Виктор пока не выбрал.

— Конечно.

В этот момент из левого коридора вышел мужчина в белой рубашке. Он застёгивал часы на запястье и слегка хмурился.

— Элли, мы уже опаздываем.

— Я готова.

— У тебя одна серьга.

— Потому что я не могу найти вторую. Беатрис!

Мужчина вздохнул и впервые посмотрел на меня.

На меня. На живот. Снова на меня.

Я улыбнулась. Очень аккуратно. Моё лицо в такие моменты обычно само предлагает вызвать специалиста.

— Новая сотрудница? — спросил он.

— Временная, — ответила Элеонора. — От агентства. Виктор, ты видел белую коробку?

— На туалетном столике.

— Я там смотрела.

— Под журналом.

Она закатила глаза и отправилась наверх, шепча себе под нос что-то про домашние прятки.

Виктор остался в холле.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Мы не заставим вас передвигать шкафы.

— Спасибо. Я бы и не смогла. Они же не на колёсиках.

Он посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

Надо всё-таки составить список фраз, которыми мне запрещено отвечать работодателям.

Из боковой двери вышла Беатрис. Слава Богу. Я уже собиралась спросить Виктора, не думает ли он установить на шкафы колёсики для удобства персонала.

— Всё в порядке, мистер Вандербельд. Молодой человек внизу. Памеле сейчас покажу комнату.

— И позвоните в агентство. На будущее нам нужны сотрудники с постоянным графиком.

Мой желудок сделал переворот.

В агентство.

Конечно. Существуют же номера, по которым люди звонят и получают информацию. А я так привыкла получать инструкции от призрака, что совершенно забыла о реальных службах.

— Уже собиралась, — сказала Беатрис.

Я судорожно придумала восемь способов погибнуть прямо здесь и не объяснять ничего. Все восемь были слишком болезненными, а девятый — прыгнуть в картину — не гарантировал результат.

Элеонора спустилась с обеими серьгами. Муж протянул ей руку, она вложила в неё свою, и они направились к выходу.

— Выключи фонтан перед сном, — попросила она Беатрис. — И не корми Бруно со стола. Он опять стал слишком требовательным.

Бруно.

Кто это? Собака? Кот? Восемидесятилетний отец Виктора, которого родственники стесняются показывать?

Дверь закрылась.

— Пойдёмте, — сказала управляющая.

Мы свернули направо.

Малая гостиная оказалась размером с квартиру, в которой я жила последние месяцы. Белый диван, два кресла, ковёр, похожий на причёску очень богатой овцы. У окна — низкий деревянный столик.

На нём стояла ваза.

Та самая.

Моя сумка мгновенно стала тяжелее. Знаете, как иногда от одного взгляда на человека понимаешь, что надо было оставаться дома? У меня так случилось с предметом.

Живую она выглядела чуть темнее копии. Или виноват свет? На боку был тот же длинноногий тип со своей ложкой. Я решила, что он смотрит прямо на меня и не одобряет.

— Вот здесь следы, — Беатрис указала на пыльную полосу у плинтуса. — Потом поверхность стола, каминная полка и стеклянные двери. Пол не нужно мыть целиком, только этот участок. Средства в тележке. Перчатки там же.

Я кивала с такой готовностью, будто мечтала о плинтусах с раннего детства.

— Вазу лучше пока оставить. Если понадобится протереть под ней, позовите меня.

— Конечно.

— Не поднимайте её сами.

— Конечно.

— Она тяжёлая.

— Я уже поняла.

Беатрис приподняла бровь.

— По виду, — быстро добавила я. — Очень солидная посудина. ВАЗА.

На секунду я подумала, что сейчас она отменит весь мой визит. Но женщина лишь вздохнула.

— Я буду на кухне. Если что-то нужно, обращайтесь.

Она ушла, оставив дверь открытой.

Я поставила сумку на пол рядом с тележкой и подошла к окну.

Там, за стеклом, начиналась терраса. Дальше блестел небольшой бассейн, у которого стояли белые шезлонги. Я неожиданно вспомнила старую бельевую верёвку на этом же месте. На ней висели отцовские рубашки и мои школьные носки, которые всегда исчезали по одному.

Если в новой жизни мне когда-нибудь поставят бассейн, я сначала проверю, не лежит ли на его дне вся моя потерянная одежда.

Под окнами шла узкая клумба с камнями. Я знала этот угол участка. В детстве здесь была наружная лестница в подвал. Очень крутая, с мокрыми ступенями. Мама всегда кричала, чтобы я туда не спускалась. Однажды отец нашёл меня у двери и так разозлился, что я потом неделю боялась даже заглядывать за дом.

За что именно он злился, я не знала. Мне было восемь. В восемь лет любой взрослый умеет превратить закрытую дверь в угрозу.

Теперь лестницы не было.

Я присела ближе к стеклу, рассматривая камни, и зацепилась фартуком за ручку тележки.

Потянула. Тележка покатила.

Верхний флакон завалился набок.

Я поймала его левой рукой, правой схватила ручку и подперла колесо тапочкой.

Замерла.

НИЧЕГО НЕ УПАЛО.

Вот она, профессиональная пригодность. Стою на одной ноге, обнимаю средство для стекла и спасаю богатых людей от собственной биографии.

Я осторожно вернула всё на место и достала телефон.

Я: В комнате. Ваза здесь. Она не разрешила трогать.

Скрытый номер: Жди, пока управляющая уйдёт к рабочему. Подменишь и закончишь уборку.

Я: Она собирается звонить в агентство.

Скрытый номер: Не твоя забота.

Почему-то забота всё равно ощущалась моей. Особенно в районе кишечника.

Я сунула телефон в карман фартука и принялась протирать стеклянные двери.

Вы удивитесь, но у меня даже получилось. Без разводов. Я побрызгала, протёрла, отступила и увидела, что на прозрачном стекле больше нет следов пальцев. Никакой магии. Просто человек сделал что-то полезное.

И ради этого не пришлось придумывать погибшего отца ребёнка.

На секунду мне стало досадно. Зачем в моей жизни самым простым способом заработать всегда оказывается самый глупый?

Из коридора донёсся голос Беатрис:

— Нет, я не оформляла отмену. Мне позвонили и подтвердили замену.

Я перестала протирать.

— Кто именно? Женщина. Представилась вашей сотрудницей. Памела уже здесь, да.

Уборка закончилась. Началась внутренняя панихида.

Я медленно подхватила сумку, но тут услышала:

— Нет, Клара лежит дома. Она отправила сообщение утром. Уточните у руководителя, пожалуйста.

Беатрис пошла дальше по коридору. Деревянный пол почти не передавал шагов, но я различала тихий скрип её обуви.

Вот вам и бесшумные ворота. В богатом доме можно прекрасно слышать приближение катастрофы, просто она ходит в хороших туфлях.

Я написала неизвестному:

Я: Её никто не присылал. Она выясняет. Я ухожу.

Он ответил почти сразу.

Скрытый номер: Останься. Всё решается.

Я: Чем? Моим арестом?

Скрытый номер: Беатрис подтвердят заказ. Делай свою работу.

Я закрыла переписку и посмотрела на выход.

Можно уйти. Забрать вещи, сказать, что чувствую себя плохо. Отдать неизвестному две тысячи, если он вообще позволит их вернуть. Не забыть вернуть тапочки. Мне не нужна ещё одна кража, которую я не планировала.

Можно.

Я уже сделала шаг к двери, когда из-за дивана показалось существо размером с очень приличный чемодан.

Оно молча смотрело на меня снизу.

Собака.

Белая, лохматая, с огромной головой и чёрным носом.

Значит, Бруно. Конечно. В доме должен быть кто-то, чья шерсть выглядит ухоженнее моей причёски.

— Привет, — прошептала я. — Ты хороший или сейчас решишь, что я сосиска?

Бруно понюхал воздух и двинулся ко мне.

Я застыла. Люблю собак, когда они находятся в чужих телефонах или я заранее знаю, что хозяин умеет их останавливать. Здесь хозяин уехал, управляющая обсуждала мою судьбу, а собака приближалась с полным правом собственности на комнату.

Она ткнулась носом в сумку.

Потом ещё раз.

— Там нет еды. Там полотенце. Тебе не понравится.

Бруно фыркнул и просунул нос под клапан.

Я потянула сумку вверх.

Он потянул вниз.

Оказалось, мы с ним оба умеем торговаться без слов.

— Это моё, — сказала я строго.

Он начал вилять хвостом.

Отлично. Меня приняли за организатора конкурса.

Я осторожно отступила. Собака пошла следом, и тогда я вспомнила контейнер с сэндвичами. Мы сложили туда использованные салфетки. Салфетки пахли сыром.

Решив пожертвовать контейнером ради вазы, я расстегнула сумку. Бруно тут же ткнул мордой ещё глубже.

— Да подожди, Господи!

Я вытащила контейнер, но вместе с ним зацепила край полотенца.

Из сумки высунулось горлышко.

Моё сердце вышло вслед за ним.

Я резко опустила сумку на пол и придавила полотенце ладонью, будто могла запихнуть обратно не только вазу, но и весь свой жизненный выбор.

Бруно сел рядом.

— Не лай, — попросила я. — Если сдашь меня, кормить будем тебя обе.

Он смотрел на контейнер.

Я убрала салфетки в мусорное отделение тележки. Контейнер закрыла, спрятала поглубже и поняла, что этого хватило: собака потеряла интерес к сумке и пошла нюхать тележку.

Никаких угроз. Никаких погонь. Я только что пережила полноценный допрос носом.

В комнату вошла Беатрис.

— Бруно, уйди.

Он моментально послушался. Значит, всё-таки проблема была во мне, а не в собачьих принципах.

Управляющая посмотрела на мою руку, которой я придерживала сумку.

— Всё в порядке?

— Он искал сэндвич.

— Вы принесли еду?

— Уже съела. Это были остатки. Я ничего ему не давала.

— Хорошо. У него специальный рацион.

У бедняги, наверно, каждое печенье согласовывали на семейном совете. Мы бы с Бруно долго не дружили.

Беатрис повернулась к двери, но затем снова посмотрела на меня.

— Агентство подтвердило ваш выход. Почему-то произошла путаница между двумя сотрудниками. Фамилии похожие.

Я заставила себя улыбнуться.

— Бывает.

Путаница между «легально устроилась» и «меня купили за две тысячи». Очень похожие фамилии.

— Сейчас спущусь проверить, что у молодого человека. Я ненадолго.

Вот он.

Момент, ради которого я пришла.

Дверь в коридор осталась приоткрытой. Я услышала, как Беатрис остановилась, что-то сказала собаке и только потом открыла другую дверь.

Щелчок.

Шаги вниз.

Я встала.

Сумка была у меня под ногами. Ваза — в трёх шагах. Всё просто. Снять одну, поставить вторую, продолжить уборку.

В фильме это заняло бы четыре секунды.

Но в фильмах героини обычно ходят в одежде, которая держится сама, а не благодаря булавке, подруге и Божьему терпению.

Я наклонилась, достала свёрток, поставила его на ковёр.

Потом подошла к столику.

Настоящая ваза оказалась ещё тяжелее копии. Я не подняла её целиком, только чуть приподняла край — и услышала тихий скрежет.

Под донышком лежала маленькая металлическая пластинка.

Я замерла.

Сигнализация?

Конечно, Пэм. Просто бери дорогую вещь, ведь никогда в мире никто не придумал способа узнать, что её взяли.

Я опустила вазу обратно и уставилась на пластинку.

Она немного выступала за край. Никаких проводов. Крошечная бирка на тонком кольце, прижатая весом предмета. Я увидела вытесненные буквы, но не смогла прочитать с такого угла.

В голову полезли одновременно десятки ужасов. Датчик? Инвентарный номер? Номер места на кладбище, уже оплаченного для воровки?

С лестницы донеслось:

— Здесь перекрыли?

Голос Беатрис.

— Да, — ответил Джошуа. — Я сейчас покажу.

Они были внизу.

Я вытащила копию из полотенца, положила ткань на край стола и осторожно подняла оригинал двумя руками.

Под ним осталась бирка, соединённая короткой цепочкой с тонким кольцом вокруг основания. Никакого датчика. Просто старая этикетка с номером.

Я выдохнула так шумно, что испугалась собственного облегчения.

Теперь главное — не уронить.

На дне вазы было тёмное пятно и косая царапина. Я увидела их всего секунду. Потом завернула её в полотенце и положила в сумку.

Копия встала на освободившееся место.

Я сравнила мысленно. Две полоски. Человек с ложкой. Коричневатое горлышко. Если Виктор каждый вечер целует любимую вазу на ночь, он, конечно, заметит. Но если у него есть жена, возможно, мне повезёт.

С пола поднялся Бруно.

Откуда он опять взялся? У этой собаки был талант появляться в самый плохой момент. Мы с ней всё-таки могли подружиться.

Он двинулся к столу.

Я инстинктивно выставила ногу.

Не ударила. Просто загородила дорогу.

Бруно остановился, посмотрел на меня и ткнул носом в фартук.

Я отступила.

Он ткнул ещё раз.

— Что тебе теперь нужно?

И тут я поняла.

Когда я наклонялась за копией, край накладного живота высунулся из-под платья. Фартук держал ткань, а липучка на ремне зацепилась за шов. Бруно нюхал эту торчащую штуку с интересом, которому позавидовал бы любой акушер.

— Это не игрушка.

Я попыталась поправить живот через ткань, но собака уже схватила край ремня зубами.

Я застыла.

Если резко дернуть, он решит, что мы играем. Если не дернуть, мой ребёнок достанется семье Вандербельд с доставкой в пасти.

— Бруно, отпусти, — прошептала я.

Он потянул.

Платье съехало набок.

Открытая молния, аккуратно спрятанная Дженни, показалась из-под фартука.

Господи. Только не сейчас.

Я прижала живот локтем, взяла ремень и попробовала ослабить натяжение. Собака сделала шаг назад. Я — вперёд. Ещё шаг назад. Я — ещё вперёд.

Со стороны это наверняка выглядело как очень странный танец для женщин на поздних сроках.

— Отдай мою материнскую репутацию, — прошипела я.

Он снова повилял хвостом.

Я потянулась к тележке, надеясь найти хоть что-нибудь, чем можно отвлечь его, и случайно надавила на пульверизатор.

В воздух взметнулась мелкая струя средства для стекла.

Я зажмурилась. Бруно чихнул и отпустил ремень.

УРА.

На празднование было полсекунды.

Я отшатнулась, наступила на край ковра и всем своим весом прижалась к дивану. Живот сполз вниз. Фартук задрался.

Бруно гавкнул.

Откуда-то из коридора раздалось:

— Пэм?

Джошуа.

Я стояла, сжимая коленями своего будущего ребёнка, и не могла пошевелиться.

Положите меня в гроб вместе с телефоном. Мне понадобится ещё некоторое время, чтобы написать объяснительную.

— Не заходи! — выпалила я.

Он остановился в дверях.

— Что случилось?

— Форма. У меня с ней личный конфликт.

Я изо всех сил держала фартук перед собой. Белая ткань доходила почти до колен и пока скрывала катастрофу. Но накладной живот постепенно сползал, и я уже чувствовала, как ремень щекочет ногу.

— Ты упала?

— Пока ещё нет. Не исключаю.

Джошуа посмотрел на собаку, потом на меня. К счастью, вид моего лица говорил о таком количестве бед сразу, что отдельную определить было невозможно.

— Бруно мешает?

— Он очень хотел поиграть. А я не очень.

Парень присел, щёлкнул пальцами и позвал собаку. Та тут же пошла к нему, как будто мы с ней только что не пытались разделить опеку.

— Я выведу его. Тебе помочь?

— Можешь закрыть дверь?

Он помедлил.

— Пэм, если тебе плохо...

— Мне неловко. Это разные заболевания.

Джошуа понял. Или решил больше не выяснять. Он закрыл дверь и увёл Бруно.

Я осторожно опустилась на край дивана, придерживая живот, и наконец освободила ремень от фартука. Затем встала, повернула накладку на место и подтянула её так крепко, что самой стало трудно дышать.

Вот он, успех современной женщины: умеешь украсть вазу, но не умеешь удержать собственный живот.

На стене висело зеркало. Я подошла к нему боком, поправила платье и увидела, что булавка на воротнике раскрылась. За последние пять минут моя одежда попыталась покинуть меня со всех сторон. Пришлось застегнуть булавку снова, затянуть фартук и пригладить волосы влажной ладонью.

Руки дрожали.

Я смотрела на себя, и впервые за вечер не хотелось придумывать, на что я похожа.

Просто хотелось выйти.

Но в сумке лежала чужая вещь. Две тысячи в кошельке больше не казались неожиданным подарком. Они стали ценой, за которую я согласилась потащить сюда человека, даже не подозревающего, рядом с кем он работает.

Джошуа мог попасть под подозрение вместе со мной.

Он пришёл чинить протечку. Принёс чистые накладки на ботинки. Съел половину сэндвича. Сказал не терпеть, если мне станет тяжело.

А я стояла и думала, что делать с вазой, которую уже украла.

Можно было вернуть её.

Я повернулась к столу.

Потом услышала скрип двери и схватила тряпку.

Вошла Беатрис.

— Молодой человек сказал, у вас проблема с платьем.

— С фартуком. Зацепился.

— Сейчас всё хорошо?

— Да. Извините за шум.

Она осмотрела комнату, задержала взгляд на тележке, потом на сумке.

Я перестала дышать.

— Бруно любит хватать всё, что болтается. Надо было предупредить вас. Обычно на время уборки мы его закрываем.

— Он очень милый.

Если бы Бруно умел давать показания, я бы назвала его иначе.

Беатрис подошла к столу.

— Здесь ещё не протёрто?

— Нет, я оставила, как вы сказали.

Она достала чистую салфетку, приподняла вазу и тщательно вытерла поверхность. Так спокойно. Так привычно.

Я смотрела, как в её руках покачивается копия, и ждала, что она скажет: «Очень интересно, а когда наша ваза похудела?»

Но Беатрис просто вернула её на место.

— Остальное закончите и можете идти. Стекло уже хорошо, — добавила она, оглядев двери.

Моя первая похвала за честный труд за последние несколько лет.

И я умудрилась получить её в день, когда всё испортила.

Управляющая вышла. Я убрала следы у плинтуса, протёрла каминную полку и вернула средства туда, откуда брала. На этот раз очень внимательно. Странно, но уборка немного успокаивала. У неё хотя бы были понятные правила: грязь есть — убери. С остальной жизнью так не работало.

Когда я вынесла тележку в коридор, в холле стоял Джошуа. Беатрис разговаривала с ним, держа в руке два конверта.

— Основное исправили, — говорил он. — Но соединение старое. Я написал, что нужно заменить, и оставил фотографию. Пока не включайте этот участок.

— Передам Виктору.

Она протянула ему конверт, потом мне.

— За сегодняшний выход. Здесь сумма, которую согласовали с агентством. Распишитесь, пожалуйста.

— Мне тоже? — вырвалось у меня.

Беатрис замерла.

— Разумеется. Вы работали.

Я взяла конверт. Пятьдесят долларов.

Настоящие. За стекло и плинтус. Без беременности, без жалости, без придуманных историй. Хотя нет, беременность была. И история про агентство тоже. Но стекло я всё-таки вымыла сама.

Удивительно, как легко человек способен найти себе заслугу прямо посреди собственного свинства.

Я расписалась в ведомости и впервые за вечер заметила маленькую деталь: рядом с моим именем не было фамилии. Просто «Памела, вечерняя замена».

Для Беатрис я оказалась временной уборщицей. Для Джошуа — девушкой, которая пытается наладить жизнь. Для неизвестного — человеком, у которого не хватает ума отказаться от денег.

Как хорошо, что никто не предложил представить себя самой.

Я сняла тапочки и вернула их в шкаф. Кроссовки показались неожиданно удобными, почти родными. Хотя кто-то в этом доме был готов забрать меня целиком и без проверки.

— У вас внизу весь подвал новый? — спросила я у Беатрис, пока Джошуа закрывал ящик.

Вопрос выскочил сам. Мне следовало думать о выходе. Но всё время с тех пор, как я увидела клумбу под окном, в голове оставалась старая наружная лестница.

— Почти, — ответила женщина. — Сохранили часть технических помещений от прежнего здания. Почему вы спрашиваете?

— Я раньше жила рядом. Помню этот участок.

Это было достаточно близко к правде, чтобы не подавиться ею.

— Да, здесь многое изменилось, — сказала Беатрис. — Спокойного вечера.

Она открыла дверь.

И всё.

Никаких полицейских. Никакой проверки сумки. Никакого Виктора, который внезапно возвращается, чтобы поцеловать вазу.

Я вышла на дорожку и почти не чувствовала ног.

Джошуа шагнул рядом. У ворот он обернулся к дому и сказал:

— Приятные люди. Хорошо, когда заказчики не стоят над душой.

— Да.

— Тебя не замучили?

— Я справилась.

Мы вышли на улицу. Ворота закрылись, и только тогда я поняла, что до сих пор держу сумку обеими руками.

— Правда, тяжёлая? — спросил Джошуа.

— Немного.

— Давай донесу.

— Не надо.

Я сказала это мягче, чем у башни, и он больше не предложил.

Мы прошли несколько шагов. За забором соседнего дома включился свет. Дом Мэгги. Где-то там сейчас старушка жила своей нормальной жизнью, ещё не зная, что я снова рядом и прекрасно справляюсь с разрушением чужих вещей даже без непосредственного участия.

— Мэгги рассказывала что-нибудь о моих родителях? — спросила я.

— Нет. Хочешь, спрошу?

Мне захотелось кивнуть. Очень захотелось. Но я только что использовала его как прикрытие для кражи и теперь собиралась попросить ещё услугу.

— Не сегодня, — сказала я. — Потом.

— Хорошо.

У перекрёстка Джошуа остановился.

— Мне в другую сторону. Мэгги просила зайти в магазин.

— Тогда пока.

— Напиши, как дойдёшь.

Я усмехнулась.

— У вас с Дженни общий чат по контролю моего выживания?

— Просто поздно.

Он достал телефон.

— У меня ведь нет твоего номера.

Я продиктовала. Спокойно, без трясущихся коленей. Наконец произошло то, о чём я мечтала вчера. И я даже не могла как следует обрадоваться.

В списке контактов появился Джошуа Смит.

Без сердечек. Без «будущий муж». Просто имя и фамилия. Почему-то сейчас мне казалось, что ставить там сердечко было бы ещё одной ложью.

Он помахал мне и пошёл к магазину.

Я подождала, пока он свернёт за угол, потом достала телефон.

Я: Всё. Я вышла.

Скрытый номер: С вазой?

Я: Да.

Скрытый номер: Завтра утром её заберут. Держи её завернутой и ничего не фотографируй.

Я: Вы могли подставить рабочего. Больше он со мной не идёт.

Ответ пришёл через несколько секунд.

Скрытый номер: Ты выбираешь слишком много условий для первого дня.

Я долго смотрела на эту строчку.

Первого дня.

Словно у нас уже был график. Словно я согласилась не на одну вазу, а на то, что теперь кто-то будет решать, где мне находиться по вечерам.

Я: Мы договаривались на одно дело.

Скрытый номер: Завтра обсудим.

И сразу — уведомление от банка.

Ещё тысяча долларов.

Раньше я бы улыбнулась. Сейчас подумала, что человек только что положил ещё один кирпич на крышку коробки, в которой меня запирают.

Я дошла до дома Дженни почти бегом. Написала Джошуа, что вернулась, хотя до двери оставалось несколько шагов. Получила в ответ короткое «Отдыхай».

Вот бы.

На кухне горел свет. Дженни сидела за столом с ноутбуком и тарелкой остывших макарон. Она подняла голову, когда я появилась в дверях.

— Жива?

— В основном.

— Как работа?

Я поставила сумку на пол.

— Мне заплатили пятьдесят долларов.

Это прозвучало неожиданно жалко. Будто я предъявляла ей справку: внутри меня пока ещё сохранился крошечный кусок нормального человека.

Дженни улыбнулась.

— Для первого вечера неплохо. Голодная?

Я покачала головой.

Она перестала улыбаться.

Да. Когда Пэм Честерфилд не хочет есть, пора проверять, не дышит ли она только по привычке.

— Что случилось?

Я сняла фартук. Сложила его. Потом развернула, потому что не смогла сложить ровно.

— Всё сложно.

— Тебя обидели?

Вот от этого вопроса мне стало совсем плохо.

Дженни подумала о самом простом: я попробовала честно поработать, и кто-то обошёлся со мной грубо. Она не представила ни сумку, ни копию, ни человека, который сейчас писал мне, словно я принадлежала ему.

— Нет.

— Тогда садись.

Я села на край стула. Подруга закрыла ноутбук.

Это было хуже любых её подозрительных взглядов. Она решила слушать.

Телефон завибрировал в кармане фартука, лежавшего у меня на коленях.

Я машинально достала его.

Скрытый номер: Ты ведь спросила про старый подвал.

Я уставилась на экран.

Воздуха на кухне вдруг стало меньше.

Откуда он знал?

Беатрис рассказала? Джошуа? Кто-то слушал? Или мой вопрос был настолько очевиден, что его просто угадали?

Следом появилось второе сообщение.

Скрытый номер: Там ещё осталось кое-что от твоей семьи. Не торопись отказываться от следующего дела.

Я перечитала.

Дженни наклонилась ко мне.

— Пэм?

Я подняла на неё глаза.

Очень хотелось сказать, что ничего страшного. Устала. Порвала платье. Собака решила украсть мой живот. Рассказать смешное, чтобы она рассмеялась и больше не спрашивала.

Вместо этого я опустила руку в сумку.

Достала завёрнутую в полотенце вазу.

Поставила её на стол между нами.

Дженни смотрела молча. Я развернула край ткани, и из него показалось тёмное горлышко с двумя полосками.

Подруга не потянулась к вазе. Даже не спросила, сколько она стоит.

— Это из того дома? — произнесла она.

Я кивнула.

Лицо Дженни медленно изменилось. Так же, как утром, когда она увидела меня в примерочной. Только на этот раз без капли любопытства.

— Ты украла её?

Можно было соврать ещё раз. Сказать, что мне подарили. Разрешили забрать. Выбросили, а я подобрала. Господи, с такой богатой карьерой у меня должно было быть хотя бы одно убедительное объяснение.

Но передо мной сидела подруга, которая утром перевязала мне руку, вечером застегнула воротник и положила на стол два сэндвича.

— Да, — сказала я.

Дженни убрала свою тарелку подальше от вазы.

Этот маленький жест почему-то оказался страшнее, чем если бы она начала кричать.

Я сидела и смотрела на место, где только что лежала еда.

Телефон снова завибрировал.

Но я впервые за весь вечер не стала смотреть, чего от меня хотят.

Глава девятая

Если когда-нибудь вам придётся признаться лучшей подруге в преступлении, не делайте этого на кухне. Там слишком много предметов, которыми можно выразить своё отношение к поступку. Особенно если подруга любит готовить и все её ножи хорошие.

Дженни смотрела на вазу.

Я — на Дженни.

Человек с ложкой, нарисованный на глиняном боку, смотрел куда-то вдаль. Самый мудрый из нас троих: не вмешивается, не даёт советов, занят своим.

— Объясни, — сказала подруга.

— Как получилось или зачем?

Она подняла глаза.

— Начни с той части, где ты решила принести украденную вещь в мой дом.

Всё. Первое попадание. И даже без ножа.

Я подтянула полотенце к горлышку, словно могла прикрыть им весь разговор.

— Я не собиралась тебя в это втягивать.

— Ты уже втянула. Она стоит на моём столе.

— Я понимаю.

— Нет, Пэм. По-моему, ты всё время говоришь это чуть раньше, чем действительно понимаешь.

Я посмотрела на собственные руки. На пальце осталась полоска от ремня сумки. От неё хотелось избавиться, и я начала тереть её ногтем.

— Мне написали. Предложили деньги, прислали копию. Нужно было подменить.

Дженни села ровнее.

— Кто?

— Не знаю.

Она моргнула.

Обычно люди моргают, потому что им нужно увлажнить глаза. Дженни сейчас явно пыталась перезагрузить всё лицо.

— То есть незнакомый человек предложил тебе украсть вещь, а ты согласилась?

— Он уже перевёл деньги.

— И поэтому согласилась?

— Не только.

Это «не только» прозвучало очень слабо. У меня было несколько оправданий, но все они ещё днём проиграли бы нормальному человеку, а сейчас даже я не хотела их защищать.

— Покажи телефон.

Подруга протянула руку. Совсем как перед моим уходом. Кольцо замкнулось. У судьбы, как выяснилось, очень небольшой запас сцен, зато она любит повторять их с увеличением позора.

Я отдала телефон.

Он успел погаснуть. Дженни вернула его, чтобы я разблокировала, и вдруг этот простой жест стал невыносимым. Она не знала мой пароль. Мы когда-то знали друг о друге всё, даже цвет трусов перед школьной поездкой. А теперь ей приходилось ждать, пока я разрешу посмотреть, как обманывала её весь день.

Я открыла переписку.

Дженни читала молча. Потом пролистала вверх, к первому сообщению.

— Две тысячи? — спросила она.

— Сначала.

— Сначала?

Я кивнула на последнюю банковскую строчку.

— Ещё тысячу после.

Она положила телефон рядом с вазой, но ладонь не убрала.

— Три тысячи за два часа?

— Я тоже удивилась.

— А насторожилась?

— Постоянно. Очень утомительный вечер.

Дженни посмотрела на меня так, что я сразу пожалела о последней фразе.

Не каждый момент в жизни требует шуток. Мне бы записать это где-нибудь, где я часто смотрю. Например, на внутренней стороне век.

— Извини, — сказала я. — Дурацкое время для дурацких слов.

— Это не время дурацкое. Это ты украла вещь у людей, у которых была в гостях как работница.

— Я знаю.

— И форму я тебе помогла поправить. Чтобы тебе не было стыдно на твоей первой нормальной работе.

Я сжала пальцы.

Вот почему с чужими людьми проще. Они могут поймать тебя за руку. Подруга может вспомнить, как сама эту руку перевязала.

Дженни снова взяла телефон.

— «Не обсуждай мою задачу». «Не твоя забота». «Ты выбираешь слишком много условий». Пэм, этот человек тебе ничего не объяснил. Даже откуда он знает твой банковский счёт.

— Да.

— И знаешь, что ещё мне интересно? Вот это.

Она повернула экран.

«Я давно следил за твоей сферой деятельности».

Я почувствовала, как к глазам приливает горячее. Прекрасно. Слёзы, если вы планировали появиться, выбрали самый мерзкий момент. Сейчас это будет выглядеть, будто я пытаюсь получить скидку на последствия.

— Что за сфера деятельности? — спросила Дженни.

Я ничего не ответила.

Она посмотрела на накладной живот, всё ещё прижатый платьем.

— Ты в казино не выигрывала.

Не вопрос.

— Иногда.

— Пэм.

— Очень редко.

Дженни отодвинула стул. Он скрипнул, и я вздрогнула, как будто она действительно взялась за нож.

Она подошла к раковине, открыла кран и несколько секунд просто смотрела, как течёт вода. Потом выключила.

Я ждала.

Это оказалось труднее, чем если бы она кричала. С криком можно спорить, закрывать уши, тоже кричать. С человеком, который тихо пытается не разнести собственную кухню, не сделаешь ничего.

— Давай без «иногда», — сказала она, повернувшись. — Я уже устала угадывать, какая часть твоих историй настоящая.

— Я обманывала мужчин. Они жалели меня. Давали деньги. Иногда я брала то, что не давали.

Дженни не пошевелилась.

Я смотрела в край стола и продолжала, пока могла говорить.

— Могла сказать, что отец ребёнка пропал. Что нужны деньги. Всё такое. В казино подменяла фишки. Не всегда удачно. В последний раз чуть не попалась.

— Поэтому ты приехала?

— Да.

— А родители?

— Я правда не знала, что они уехали. Правда подошла к дому и увидела вместо него особняк. Правда полезла в Тома. Правда была рада тебя увидеть.

Я перечисляла эти «правда», как оставшиеся продукты в пустом холодильнике. Одно яйцо. Половинка сыра. Настоящее чувство к подруге, которое я немедленно испортила.

Дженни медленно подошла к столу.

— А история, что тебе некуда было идти?

— Настоящая.

— И что ты не хотела отдавать ребёнка в приют?

Я подняла голову.

Она смотрела прямо на меня.

Я пыталась вспомнить, что именно сказала вчера в домике. Все мои слова вдруг представлялись тяжёлыми предметами, которые я раскидала по чужому дому. И теперь Дженни по очереди поднимала их и показывала мне.

— Это я придумала, — сказала я.

Она кивнула. Очень коротко.

— Чтобы я пригласила тебя жить у меня.

— Да.

Дженни отвернулась.

Мне уже хотелось забрать обратно хотя бы последнюю правду. Сказать, что не всё было так. Что я думала не только о доме, что действительно соскучилась, что боялась потерять её снова. Всё это тоже было правдой. Но, по-моему, сейчас правда стоила гораздо дешевле, чем утром.

— Знаешь, что хуже всего? — спросила она. — Ты могла просто сказать, что тебе негде жить.

— Знаю.

— Я бы всё равно пригласила тебя. Без ребёнка. Без приюта. Без этой отвратительной истории.

Она указала на мой живот.

Мне захотелось немедленно его снять.

Я даже взялась за край платья, но поняла, что начала раздеваться на кухне во время серьёзного разговора. У меня всё время какие-то дополнительные номера между основными преступлениями.

— Пожалуйста, убери это, — сказала Дженни.

Она не повысила голос.

Я встала и пошла в прихожую, где было темнее. Там стянула ремень, просунула накладку под открытый боковой шов и достала её наружу.

Моё тело наконец стало моим. Только радости от этого не прибавилось.

На спинке стула возле двери висела толстовка. Я накинула её на себя, чтобы скрыть расстёгнутое платье, а живот положила на скамью.

В прихожей он выглядел жалко. Просто кусок материала с ремнями. За сутки он успел получить больше доверия, чем я за пять лет отсутствия.

Когда я вернулась, Дженни аккуратно сложила полотенце вокруг вазы. Не подняла её, только прикрыла.

— Не трогай бирку, — сказала она.

— Я и не собиралась.

— И не мой. Ничего с ней не делай.

Я села.

— Ты вызовешь полицию?

Дженни посмотрела на меня. На этот раз в её глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Я не знаю, Пэм.

Честный ответ. Без угрозы и без обещания спасти меня. Оказалось, он страшнее обоих.

— Мне нужно понять, что происходит, — продолжила она. — А для этого ты должна перестать выдавать информацию по одной чайной ложке.

— Спрашивай.

— Кто был с тобой?

Я замерла.

Вот тут мне очень захотелось снова соврать.

Называй любого. Напарник по имени Билл. Человек в маске. Лысый ремонтник, который всё время смотрел в стену. Не трогай Джошуа. Пусть хотя бы это останется за пределами кухни.

— Рабочий, — сказала я.

Дженни опустила глаза на экран.

— Я вижу. Какой рабочий?

Я перестала дёргать рукав толстовки.

— Джошуа.

Подруга вскинула голову.

— Что?

— Он не знал. Ему тоже сделали заказ. На протечку. Он не знал ни про вазу, ни про деньги.

— Ты была с ним там и не сказала?

— Я поняла только у башни, что он и есть второй человек. А потом...

— Потом решила, что удобно?

Я покачала головой.

— Нет.

— Но всё равно пошла с ним.

— Да.

Дженни закрыла глаза. Открыла. Посмотрела на потолок.

Где-то там, видимо, находилась инструкция, как вести себя, если твоя лучшая подруга возвращается домой и оказывается целым уголовным отделом.

— Он думает, что ты беременна, — произнесла она.

— Да.

— Он сегодня чинил у меня трубу. Успокаивал тебя, когда ты поранилась. Пошёл с тобой на работу. А ты...

— Я понимаю, — начала я и остановилась.

Потому что в этот момент поняла, как ей уже надоело это слышать.

Дженни села напротив. Двигалась она теперь очень осторожно. Словно если отпустит себя хотя бы чуть-чуть, всё вокруг начнёт ломаться.

— Завтра он должен узнать про живот.

— Не завтра.

— Пэм.

— Я скажу. Просто дай мне сначала разобраться с вазой.

— Ты опять просишь, чтобы тебе разрешили продолжить врать.

Я прижала ладони к коленям.

Можно ли действительно так быстро превратиться из девушки, которой страшно, в человека, рядом с которым страшно другим? Оказывается, да. Секунда, всего один вопрос — и готово.

— Если он спросит меня, я не стану подтверждать твою беременность, — сказала Дженни. — И больше не буду её изображать ни перед кем. Понимаешь?

— Понимаю.

— Я не обещаю хранить твою тайну бесконечно. Я просто не буду звонить ему ночью ради разговора, который должна провести ты.

Я кивнула.

Для меня это было почти милосердие. Только я не могла сказать спасибо, потому что звучало бы ужасно.

Телефон снова завибрировал.

Дженни посмотрела на него, потом на меня.

— Читай.

Новое сообщение оказалось коротким.

Скрытый номер: В девять утра. Передашь пакет у двери. Никаких новых людей.

Я повела глазами к подруге.

Она скривила губы.

— Поздно.

Я бы даже засмеялась, если бы не всё остальное.

— Ты кому-нибудь писала, пока меня не было? — спросила я.

— По работе.

— Никому про меня?

— Нет. А что?

Я показала последнюю переписку, ту часть про старый подвал.

Дженни прочитала её дважды.

— Он мог узнать из дома, — сказала она.

— Я это и пытаюсь понять. Беатрис слышала. Джошуа слышал.

— И любой человек, которому они могли рассказать. Или кто-то ещё в коридоре. Не начинай сразу обвинять Джошуа.

— Я не обвиняю.

— Ты только что произнесла его имя так, будто пытаешься решить, предатель он или нет.

Я прикусила губу.

Подруга умела слышать меня даже в тех местах, где мне самой хотелось быть глухой.

— Может, этот человек вообще знаком с твоими родителями, — продолжила она. — Он знает фамилию, адрес, что было на месте дома. А ты не знаешь о нём ничего. У тебя есть хотя бы номер?

Я показала экран.

У отправителя были цифры. Не имя, не фотография, ничего. «Скрытый номер» я написала сама, когда сохранила первый незнакомый контакт, чтобы случайно не перепутать его с кем-нибудь нормальным. Очень предусмотрительная девушка. Не знаю, почему предусмотрительность у меня всегда начинается после перевода денег.

— Звонила? — спросила Дженни.

— Нет.

— Почему?

— Не хотелось.

Подруга медленно кивнула.

— Ты не хотела, чтобы он стал настоящим.

Я посмотрела на неё.

Это было слишком точное попадание.

Сообщения можно читать в кровати, пить чай и притворяться, будто обсуждаешь доставку пиццы. Голос — это уже человек. У него дыхание, привычки, неприятные паузы. Ему придётся отвечать вслух, и спрятаться за двумя словами не получится.

— Да, — сказала я.

Дженни повернула телефон ко мне.

— Тогда звони.

У неё был такой голос, будто она попросила включить свет в комнате, где я несколько лет жила в темноте.

Я нажала значок вызова.

Один гудок.

Второй.

Третий.

С кухни исчезли все маленькие звуки. Даже холодильник, кажется, решил не мешать моему официальному знакомству с бедой.

Вызов оборвался.

Почти сразу пришло сообщение.

Скрытый номер: Для звонков этот номер не используется.

— Очень удобная профессия, — сказала Дженни. — Никогда не приходится отвечать на вопросы.

Я: Я хочу закончить. Заберите деньги. Вазу нужно вернуть.

Мы обе смотрели на экран.

Ответ появился через минуту.

Скрытый номер: Заканчивают после передачи заказа, Памела. Не раньше.

Подруга протянула руку, но не забрала телефон, только положила пальцы на край стола возле него.

— Спроси, чья она.

Я: Чья ваза?

Скрытый номер: Ты видела её у Вандербельдов.

Я: Кому я должна её отдать?

Скрытый номер: Курьеру.

Дженни склонилась над экраном.

— Он специально отвечает на соседний вопрос.

Я знала этот приём. Сама так делала. И очень неприятно, когда тебе показывают, насколько он прост со стороны.

Я: Кто её владелец? Почему я не могу отнести её обратно?

На этот раз пауза длилась дольше.

Потом:

Скрытый номер: Если хочешь, чтобы люди в доме узнали, кто украл их вещь, отнеси. Не забудь рассказать про рабочего.

Я резко втянула воздух.

Дженни забрала телефон из моей руки.

— Хватит.

— Но...

— Он сейчас добивается, чтобы ты испугалась и сделала, как велят. А ты отвечаешь ему всем, что у тебя есть.

Она выключила звук и положила телефон экраном вниз.

Я смотрела на этот тёмный прямоугольник и почему-то чувствовала себя ребёнком, которому взрослый наконец сказал, что из шкафа никто не выйдет.

Только в нашем шкафу уже стояла ваза.

- Где деньги? — спросила Дженни.
- Две тысячи наличными. Последняя тысяча на карте.
- Ты потратила что-нибудь?
- Не из этих.
- Покажи.

Я достала кошелек и положила перед ней купюры. Очень странное ощущение — выкладывать деньги человеку, который их не хочет. Мне хотелось, чтобы Дженни увидела, как их много, и хотя бы на секунду поняла, почему у меня дрогнули все моральные устои.

Она просто пересчитала.

Даже не вздохнула.

Ну конечно. Для неё это не билет из затхлой комнаты в новую жизнь. Для неё это несколько рабочих платежей. В этот момент я почти разозлилась, но вовремя заметила, на кого именно собираюсь обидеться.

Человек не обязан быть бедным, чтобы его честность считалась настоящей.

— Убери отдельно, — сказала она. — Не трать. Ничего не переводи, пока не поймём, кому возвращать. И с твоей картой надо разобраться. Ты кому-нибудь давала данные?

— Кому только не давала, — пробормотала я.

Дженни замерла.

— Для переводов! — быстро добавила я. — Не всё подряд. Номер счёта. Иногда, когда деньги не было удобно дать наличными.

— Завтра свяжешься с банком. Узнаешь, что видно по переводам и как вернуть тому, кто отправлял. Мне не нужно ещё одно «не твоя забота».

Я кивнула.

Она не говорила ничего особенного. Обычные вещи, которые следовало сделать утром. Но я даже не подумала. Просто сняла деньги в банкомате, потому что испугалась, что их заберут.

Кажется, вся моя жизнь состояла из мер, чтобы не потерять чужое, и ни одной меры, чтобы не потерять себя.

— Что значит «осталось кое-что от твоей семьи»? — спросила Дженни.

Я пожала плечами.

— Не знаю.

— Ты поэтому пошла в дом?

— Сначала нет. Он прислал адрес, я согласилась, а потом увидела, куда меня отправили.

— Но когда увидела, всё равно решила идти.

— Да.

Она подождала.

И я вдруг вспомнила старый деревянный буфет в родительской столовой. Одну дверцу перекосило, она открывалась с громким щелчком. За ней лежали салфетки, чашки с отбитыми ручками и маленькая тёмно-зелёная коробка.

Мне всегда хотелось узнать, что внутри. У нас почти не было красивых вещей. Было много слов о том, что красивое отвлекает от важных духовных качеств, и я до сих пор не понимала, почему мои духовные качества не могли сочетаться хотя бы с нормальными ботинками.

— У мамы была коробка, — сказала я. — Бархатная. Она называла её семейной вещью. Потом коробка пропала. Я думала, продали.

— Драгоценность?

— Я никогда не видела, что в ней. Только однажды слышала, как отец сказал, что в подвале надёжнее, чем у неё за чашками. Мне тогда лет пятнадцать было. Или шестнадцать.

Дженни нахмурилась.

— И ты пять лет ни разу про это не вспоминала?

— Вспоминала. Но мне казалось, от того дома я уехала навсегда.

Это была правда. Когда я сбежала с Рико, мне хотелось забрать только себя. Ни чашек, ни коробок, ни отцовских слов, которые почему-то уехали вместе со мной и продолжали звучать в голове даже в другом городе.

Потом жизнь стала гораздо дороже, чем я представляла. И иногда я вспоминала бархатную коробку. Не родителей. Именно коробку. Стыдно? Угу. Давайте добавим ещё одну строчку в список, стол пока выдерживает.

— Ты решила, что там можно найти что-то ценное? — спросила Дженни.

— Сейчас он сам об этом написал.

— Пэм, я спрашиваю, что решила ты.

Я помолчала.

— Да.

Она провела ладонью по столу, будто сметала невидимые крошки.

— А если это их вещь, почему она должна достаться тебе?

— Потому что...

Я замолчала.

Потому что они были моими родителями? Потому что мне ничего не дали? Потому что я их дочь, пусть и приёмная? Потому что у всех остальных, кажется, есть что-то на случай, когда заканчиваются деньги?

Ни один ответ не выглядел достаточно хорошим, если произнести его рядом с украденной вазой.

— Я не знаю, — сказала я наконец. — Наверно, я думала, что мне тоже хоть раз что-то положено.

Дженни не ответила сразу.

Я смотрела на её руки. На аккуратные короткие ногти, на тонкий след от кольца, которое она сняла перед ужином. В детстве у неё на этом пальце было пластиковое колечко с голубым цветком. Она отдала его мне, когда я сказала, что у меня никогда не будет украшений.

Я потеряла его в тот же день.

И теперь, в двадцать три года, сидела перед ней примерно с тем же выражением лица.

— Тебе положено жильё, безопасность и люди, которые тебя не унижают, — сказала Дженни. — Но чужая вещь от этого твоей не становится.

Я опустила глаза.

— Знаю.

На этот раз она не возразила.

За окном по улице прошла машина. Свет скользнул по потолку, и мы обе автоматически повернули головы.

Я впервые заметила, что Дженни тоже нервничает.

До этого мне казалось, она просто сердится. Будто я принесла домой неприятный школьный дневник, который теперь надо подписать. Но дело было больше. Незвестный знал, где я живу. Курьер привозил сюда форму. Теперь здесь лежала украденная вещь.

Я не просто воспользовалась её домом. Я сделала его частью чужого плана.

— Я могу уйти, — сказала я.

Дженни посмотрела на меня.

— Куда?

— Найду что-нибудь.

— И он завтра придёт сюда за вазой. А мне что говорить? «Пэм убежала, это у неё обычный способ заканчивать сложные разговоры»?

— Я не хотела убежать.

— Но предложила уйти именно сейчас.

Я открыла рот и закрыла.

Какой кошмар. У человека в голове можно услышать собственную глупость только после того, как её повторит кто-то другой.

— Сегодня ты остаёшься, — сказала Дженни. — Утром никто не получит эту вещь, пока мы не поймём, кто за ней пришёл. А потом решим, как вернуть её в дом. Без спектаклей и без Джошуа.

Она встала.

— И не думай, что это значит, будто всё в порядке.

— Не думаю.

— Я хочу спать. Но сначала надо убрать её с кухни.

Я потянулась к вазе, однако Дженни придержала край полотенца.

— Вместе.

Мы подняли её осторожно, будто она была гораздо больше. Подруга держала дно, я — горлышко. Нелепая церемония: две взрослые женщины переносят через кухню небольшую вазу с лицами людей, выносящих взрывчатку.

Дженни достала из шкафа пластиковый контейнер для торта. Прозрачный, с защёлками и удобной ручкой.

— Она туда не войдёт, — сказала я.

— Лёжа войдёт.

— Я думала, дорогим вазам нельзя лежать.

Подруга посмотрела на меня.

— Дорогим вазам вообще-то ещё нельзя, чтобы их крали.

— Да. Логично.

Мы постелили на дно мягкую ткань, положили свёрток и проверили, чтобы он не катался. Я помогла придержать крышку, пока Дженни защёлкивала замки.

Ваза исчезла за полотенцем.

На контейнере осталась наклейка: «Лимонный, без орехов».

У нашего преступления наконец появился состав.

Дженни унесла его в кладовую под лестницей. Там пахло кофе, картоном и тем хозяйственным спокойствием, которое мне всегда нравилось в чужих домах. На полках стояли банки, свечи, запасные батарейки. Ни один человек не оказался бы в этом доме без соли или фонарика. И только я всё равно умудрилась поставить его обительницу в безвыходное положение.

Подруга поставила контейнер за коробку бумажных салфеток.

— Не перекладывай, — сказала она.

— Хорошо.

— И не отдавай, если утром я буду ещё спать.

— Не отдам.

Она прикрыла дверь кладовой и осталась возле неё.

— У меня есть одно условие, Пэм.

Я кивнула раньше, чем услышала его.

— Не соглашайся автоматически. Сначала послушай. Если этот человек снова что-нибудь предложит, ты покажешь мне сообщение до ответа. Если позвонят — скажешь. Если придут — позовёшь. Я не буду жить в доме, где моя гостья раздаёт незнакомцам право приходить в любое время.

Моя гостья.

Она не сказала «подруга».

Я заслужила. Но всё равно кольнуло так, будто кто-то подтянул ремень накладного живота прямо внутри.

— Обещаю, — сказала я.

Дженни посмотрела на меня долго, потом кивнула.

— И с завтрашнего дня начнёшь искать нормальную работу. Если пока остаёшься здесь.

— Найду.

— Не обязательно у меня. Ты хотела сама — пожалуйста. Я не против. Но перестань представлять себя беспомощной перед каждым предложением лёгких денег.

Она поднялась по лестнице.

Я осталась у кладовой, глядя на дверную ручку.

За ней находилась чужая ваза. Наверху — человек, которого я обидела. В кармане — телефон, который выключили, потому что я не сумела сделать этого сама.

И я только сейчас вспомнила, что больше трёх часов хожу в платье, у которого не застёгивается боковой шов.

Пошла в комнату и переоделась.

Это оказалось самым простым делом за весь вечер.

Спать не получалось. Я лежала на спине, смотрела на потолок и пыталась понять, что именно меня так беспокоит. Страх? Стыд? Деньги, которые придётся вернуть? Джошуа, которому я обещала сказать правду и уже боялась этого разговора сильнее полиции?

Всё вместе.

Прекрасный набор. Можно дарить людям, которых ненавидишь, на новоселье.

Я включила экран телефона. Сообщений больше не было. Аноним либо уснул, либо решил, что своих усилий на сегодня потратил достаточно.

В чате с Джошуа оставалось его «Отдыхай».

Я набрала:

«Мне надо тебе кое-что рассказать».

Посмотрела.

Стерла.

Написала:

«Спасибо, что сегодня помог с собакой».

И это стёрла. Потому что за такой благодарностью опять спряталось бы всё остальное.

Положила телефон экраном вниз.

Пять минут лежала спокойно. Потом захотела есть.

До этого у меня не было аппетита, и я уже решила, что наконец стала человеком с личной реакцией на душевное потрясение. Но желудок, видимо, выслушал весь вечер и пришёл к единственному выводу: ужин пропущен.

Я тихо спустилась на кухню.

На столе, возле чайника, стояла чистая тарелка под крышкой.

Макароны.

Рядом — вилка и записка на маленьком листочке.

«Сначала разогрей».

Я долго смотрела на эти слова.

Ни «не забудь», ни «приятного аппетита». Просто инструкция для человека, которому можно одновременно не доверять и не хотеть, чтобы он ел холодное.

Здесь я всё-таки заплакала.

Очень тихо. Без красивого всхлипывания, без прижатой к сердцу салфетки. Просто стояла в чужой пижаме перед макаронами, и из меня текло.

Потом разогрела ужин.

Села.

Съела всё.

Не потому что мне стало легче. Потому что, если уж человек оставил тебе еду после такого разговора, надо хотя бы выполнить его единственную письменную просьбу.

Утром я проснулась от звука, который поначалу приняла за пожарную тревогу.

Оказался будильник.

Вчера перед сном я специально поставила его на восемь. Курьер должен прийти в девять, и я не хотела, чтобы Дженни встретила с ним одна.

Я села слишком резко, замоталась в простыню и чуть не упала с кровати. Великолепно. Мой день ещё не начался, а тело уже подготовило жалобу.

За окном было светло. На спинке стула висело платье. Рядом — фартук. Накладного живота в комнате не было.

Сначала я испугалась.

Потом вспомнила прихожую.

Оставила там. Как люди иногда бросают у двери грязные ботинки, только у моих грязных ботинок было право на декретный отпуск.

Я надела леггинсы, длинную футболку и пошла вниз.

Дженни стояла у кофемашины. Волосы снова были собраны в хвост. Она выглядела усталой. Значит, тоже не выспалась. Отлично, Пэм, дополнительная услуга в комплекте с проживанием: лишаешь хозяев отдыха бесплатно.

— Доброе утро, — сказала я.

— Утро.

Она поставила чашку на стол.

Вторую.

Для меня.

Я не стала благодарить слишком громко. Кажется, мне уже хватило бы обычного «спасибо» вместо концерта исправившейся злодейки.

— Как рука? — спросила Дженни.

Я посмотрела на локоть.

— Не хуже.

— Потом поменяешь повязку.

Я села. Кофе был горячим, и я осторожно обхватила чашку, но не пила. Мне нравилось хотя бы это маленькое тепло.

На другом конце стола стояла закрытая коробка, на которую Дженни приклеивала распечатанный лист.

— Это что?

— Образец дозатора. Возвращаю поставщику. Протекает.

— Даже у дозаторов проблемы с удержанием содержимого. Значит, я не одна.

Подруга ничего не сказала, но уголок её рта дрогнул.

Крошечная победа. Я не стала её развивать. Иногда лучший способ не испортить шутку — не пытаться сказать ещё пять следом.

— Заберут позже, — сказала Дженни. — Коробка будет в прихожей. Не перепутай.

Я кивнула.

Потом поняла, какой у меня теперь уровень доверия. Человек предупреждает меня не перепутать возврат товара с передачей украденной вазы.

— Он написал? — спросила она.

Я взяла телефон и посмотрела.

Скрытый номер: Курьер будет вовремя. Пакет приготовь.

— Только это.

Дженни прочитала через моё плечо.

— Ничего не отвечай.

— Я и не...

Я замолчала, потому что палец уже завис над клавиатурой.

Подруга заметила.

— Ты ему не обязана подтверждать каждую строчку, Пэм.

Я положила телефон на стол.

Потом позвонила в банк. Оказалось, разговаривать по телефону с обычным сотрудником гораздо неприятнее, чем переписываться с мошенником. Обычный сотрудник просил подтвердить личность, уточнял операции, говорил вежливо и не позволял просто ответить «я передумала».

Мне пришлось рассказать, что я хочу выяснить отправителя и порядок возврата трёх поступлений. Про вазу я не говорила. Дженни слушала рядом, и я впервые постаралась отвечать ровно на вопросы. Без историй, без уговоров и без упоминания ребёнка.

Разговор не решил всего. Но у меня появилась запись обращения, а перевод нельзя было вернуть нажатием волшебной кнопки, о которой я мечтала. Мне объяснили, что сначала нужно уточнить детали. Я закончила звонок и пересказала Дженни ответ.

— Хорошо, — сказала она. — Пока деньги отдельно.

И всё. Ни аплодисментов, ни медали.

За нормальные поступки не обязательно хвалят. Иногда тебя просто перестают на минуту проверять.

Без пяти девять позвонили в дверь.

Я подпрыгнула так, что чуть не опрокинула чашку.

Дженни поймала её за ручку раньше меня.

— Вставай спокойно, — сказала она.

— Я сейчас максимально спокойна. Если стану спокойнее, придётся проверять пульс.

Мы пошли к двери вместе.

На скамье в прихожей лежал мой живот.

Прямо рядом с коробкой для поставщика.

Я увидела его и бросилась убрать, но Дженни уже открывала внутреннюю дверь, чтобы взглянуть через стеклянную вставку в наружной.

— Пэм, стой.

Я застыла с накладкой в руках.

Если бы нас сейчас сфотографировали, получилось бы замечательное объявление: «Продаётся беременность. Пробег небольшой. Имеются косметические недостатки».

Подруга показала на боковую тумбу. Я сунула живот за неё, ударилась костяшками о стену и проглотила ругательство.

Удивительно. У меня есть возможность не ругаться. Просто для этого рядом должна стоять Дженни, которая очень сердита.

За дверью был мужчина в коричневой куртке. Никакого синего комбинезона, никакой большой коробки. Он держал телефон и плоский складной пакет.

Он не был тем курьером, который приходил вчера.

И от этой маленькой разницы стало ещё хуже.

Первого я хотя бы видела. Второй пришёл забирать украденное, и я впервые поняла, что даже не смогу потом объяснить, кому его отдала.

Дженни повернула ко мне голову.

— Этот?

Я покачала головой.

Она не открыла дверь до конца. Оставила её на ограничителе и спросила:

— Вы к кому?

Мужчина поднял глаза.

— Забрать отправление у Памелы Честерфилд.

— От какой компании?

Он помедлил.

— Частная доставка.

— Название?

— Заказ частный, мэм. Мне дали адрес и имя.

Я стояла за плечом Дженни и чувствовала себя школьницей, которую привели к директору, но директор оказался ещё более подозрительным, чем она.

— Кто ваш заказчик? — спросила подруга.

Мужчина посмотрел в телефон.

— У меня только номер заказа.

— Назовите.

Он прочёл несколько цифр.

Дженни взяла с тумбы ручку, записала их на обороте упаковочного листа и спросила:

— Что именно вы должны забрать?

— Пакет.

— С чем?

— Содержимое я не проверяю.

— Тогда как вы поймёте, что забрали правильный?

Мужчина вздохнул.

До этого мне казалось, что все курьеры страшные, потому что связаны с моими преступлениями. Теперь он выглядел просто человеком, который рассчитывал потратить на наш дом две минуты, а получил экзамен.

— Вы отдаёте то, что заказчик попросил передать. Я забираю. Всё.

Он перевёл взгляд на меня.

— Памела?

— Да, — сказала я.

Дженни чуть отодвинулась, позволяя мне говорить самой.

Это было правильно. И очень неприятно.

— Я пока не могу передать вещь, — произнесла я.

Мужчина нахмурился.

— Почему?

— Нужно уточнить, кому она предназначена.

Он посмотрел на телефон, потом снова на меня.

— Позвоните вашему человеку.

— Он не отвечает на звонки.

У нас обоих изменились лица. Только у меня от стыда, а у него от понимания, что сегодняшний маршрут придётся объяснять кому-то ещё.

— Тогда напишите.

— Мы уже написали, — сказала Дженни. — Содержимое остаётся здесь. Отметьте, что отправление не передано.

Мужчина посмотрел на коробку возле скамьи.

— А это не оно?

Я автоматически повернулась.

Дозатор. Наш самый законный участник событий.

— Нет, — сказала Дженни. — Это другой возврат.

— Может, пакет внутри?

— Нет.

Она ответила так спокойно и окончательно, что даже я не стала бы пытаться продолжить. Мужчина, видимо, оказался умнее многих людей, с которыми я раньше имела дело.

— Хорошо. Сейчас уточню.

Он отошёл на несколько шагов и начал набирать номер.

Мы стояли у двери и смотрели на него сквозь стекло.

Утро было совершенно обычным. По тротуару шла женщина с собакой. Чуть дальше кто-то поливал цветы. Машина доставки стояла у бордюра, аварийные огни мигали. Люди вокруг не знали, что мы с Дженни удерживаем в доме вазу, будто от неё зависит судьба мира.

Самое унижительное в беде — мир почти никогда не прекращает свои дела ради неё.

Мужчина слушал ответ по телефону. Потом взглянул на дверь.

Я перестала дышать.

Он слушал довольно долго.

После этого убрал телефон и подошёл.

— Заказчик сказал, с вами свяжутся, — произнёс он. — Я пока отменяю забор.

— Спасибо, — сказала Дженни.

Он кивнул, повернулся и пошёл к машине.

Никаких угроз.

Никакой попытки вломиться.

Просто отменил забор. Я была так готова к ужасу, что это почти оскорбило мои приготовления.

Дженни закрыла дверь и повернула замок.

Потом второй.

И только после этого прислонилась спиной к стене.

— Вот, — сказала она.

— Что?

— Можно не отдавать. Мир не закончился.

Я посмотрела на неё.

Она выдохнула, и я заметила, что ручка в её пальцах чуть дрожит.

Значит, это тоже было не так легко, как она показывала.

Телефон завибрировал ещё до того, как мы вернулись на кухню.

Я взяла его и, не открывая сообщение, протянула Дженни.

Она покачала головой.

— Читай сама. Я не твоя охрана.

Правильно. Очень правильно. Почему правильные вещи так неприятно слышать с утра?

Скрытый номер: Курьер не занимается проверкой собственности. Для этого ему не платят. Ты должна была передать пакет.

Я показала экран подруге.

— Теперь он знает, что нас двое, — сказала я.

— Курьер видел двух человек. Это не сверхспособность.

— Я и не говорю, что сверхспособность.

— Тогда перестань смотреть в потолок, как будто оттуда сейчас вылезет камера.

Я опустила глаза.

Чёрт. Меня можно читать без инструкции.

Пришло ещё одно сообщение.

Скрытый номер: В доме не заявили о пропаже. Пока. Не создавай проблему там, где её нет.

— Вот это уже лучше, — произнесла Дженни.

— Лучше?

— Теперь он пишет не про работу. Он убеждает тебя, что молчать безопасно.

Мне казалось, между этими двумя вещами нет разницы. Но я уже несколько раз ошиблась, поэтому не стала спорить.

Я: Я не передаю вазу. Хочу вернуть деньги отправителю и закончить.

Дженни прочла написанное до отправки.

Кивнула.

Я нажала кнопку.

Это было маленькое действие. Совсем не похожее на кражу, не требовало дрожащих коленей и фальшивого живота. Но сердце забилось сильнее, чем когда я снимала оригинал со стола.

После этого номер замолчал.

Мы стояли в прихожей и ждали.

— Можно идти пить кофе, — сказала Дженни.

— Он не ответил.

— И это тоже можно пережить без церемонии.

Я пошла за ней.

На кухне всё осталось таким же. Чашки, коробка с дозатором, ноутбук. Только коробку мы ещё не успели вынести окончательно, а сиденье одного стула была влажной от капли, которую я разбрызгала, вскакивая на звонок.

Я взяла тряпку и вытерла.

Дженни наблюдала за мной.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Но мне показалось, она впервые за утро посмотрела на меня без вопроса, на который я должна срочно ответить.

Мы допили кофе. Подруга отнесла коробку к двери, а я наконец убрала живот наверх. В комнате мне захотелось засунуть его как можно дальше. В шкаф, под одежду, чтобы не видеть.

Я остановилась.

Если что-то спрятать, оно не исчезает. Только ждёт, пока ты снова полезешь за ним.

Поэтому я положила накладку на верхнюю полку открыто, рядом с ремнём. Как вещь, которой сегодня не собираюсь пользоваться.

Очень надеюсь, она не восприняла это как выходной и не стала строить планы на завтра.

Когда я спустилась, Дженни разговаривала по телефону.

— Да, на восемнадцать часов. Сейчас открою заказ. Утром никаких изменений не присылали.

Она щёлкнула по клавиатуре.

Я подошла к раковине, вымыла чашки и начала складывать их на сушилку. Хотелось хотя бы руками делать то, к чему претензий не возникнет.

— Луиза, стоп. В нашей копии указано двенадцать порций. Если нужно четырнадцать, надо подтвердить. Я не могу сказать кухне «возможно, ещё двое». Да, я понимаю, что они едят немного, но это всё равно две порции.

Невероятно. Люди в богатых домах могли есть немного. А я бы попросила увеличить число порций, даже если гостей станет меньше.

— Пришли последнюю версию письма, — сказала подруга. — Я свяжусь сама.

Она закончила разговор и несколько секунд сидела, глядя на экран.

Потом повернулась ко мне.

У меня в руках была чашка.

Я осторожно поставила её на сушилку.

— Ещё что-то случилось? — спросила я.

— Сегодня вечером ресторан везёт частный ужин на Крэствуд стрит.

У меня сразу пересохло во рту.

— Двадцать девять?

Дженни кивнула.

— Элеонора Вандербельд. Заказ согласовала тётя ещё на прошлой неделе. Сегодня Луиза попросила уточнить порции. Хозяйка сказала, что у них придут двое дополнительных гостей.

Я смотрела на неё и не могла придумать ни одной фразы.

Впервые за долгое время это оказалось к лучшему.

— Я раньше с ними не работала, — продолжила Дженни. — Заказ идёт через тётю, но ресторан здесь, и доставка на мне.

— Там вчера говорили про гостей.

— Я помню. Ты ночью сказала.

— Он знал?

Дженни пожала плечами.

— Не знаю. Но это хороший вопрос. В письме есть время, адрес и телефон. Копии у нескольких людей. Любой из них мог переслать дальше.

Я взяла полотенце и начала вытирать уже чистые руки.

Пэм, займись нормальными пальцами. Они хотя бы пока не врут.

— Тебе не кажется странным? — спросила я.

— Кажется.

Подруга произнесла это без привычного раздражения. И от этого мне стало ещё страшнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.